

ISSN 2499-9636

OECONOMIA ET IUS

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 4 2021

Научный журнал

Основан в июле 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

Александров Андрей Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Заместитель главного редактора

Тасаков Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Ульяновск)

Барабанова Светлана Васильевна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Галазова Светлана Сергеевна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Владикавказ)

Голиченко Олег Георгиевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

Гришковец Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Данилов Иван Петрович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Оренбург)

Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Кванина Валентина Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Челябинск)

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Ларионова Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Линьярес Эрик, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Лукьянов Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Мельник Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Казань)

Осинцев Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Петров Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Подольный Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Саранск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Румянцев Федор Полиектович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Салиева Роза Наильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Терехин Владимир Вячеславович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Туманов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саратов)

Хавьер Фернандо Сесар Коста, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Харламов Андрей Викторович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Худойкина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саранск)

Шагиева Розалина Васильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Шамин Анатолий Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Княгинино)

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru
<http://oecomia-et-jus.ru>

**АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ДОЛЖНИКА-ГРАЖДАНИНА
ПРИ ВВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА:
ТЕХНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ**

***Ключевые слова:** банкротство, финансовый анализ, должник-гражданин, арбитражный управляющий, финансовый управляющий, реструктуризация долга, реализация имущества, методика финансового анализа, имущество должника, платежеспособность, ликвидность, деловая активность.*

В настоящее время многие граждане активно прибегают к такому институту рыночной экономики, как несостоятельность (банкротство). Эффективность проведения данной процедуры зависит от ряда факторов, среди которых можно выделить уровень квалификации, опыта и знаний арбитражного управляющего, готовность к сотрудничеству должника-гражданина и качество методического обеспечения самого процесса. В статье рассмотрены методологические аспекты проведения анализа финансового состояния гражданина-должника, описана технология адаптации официальной методики проведения финансового анализа, применяемого к юридическим лицам, выявлены проблемы в процессе проведения такого анализа, предложены основные направления его совершенствования. Представлена статистическая информация о количестве и динамике количества граждан, признанных банкротами. Проведена систематизация источников информации, которые лежат в основе проведения финансового анализа, выявлены неполные и недостоверные источники, которые не позволяют арбитражным управляющим сделать адекватные и корректные выводы. В исследовании освещена проблема анализа возможности восстановления платежеспособности должника-гражданина, так это напрямую влияет на возможность введения реабилитационной процедуры банкротства – реструктуризации задолженности должника. В работе изучены особенности расчета показателей, которые лежат в основе проведения анализа финансового состояния должника в целях выявления признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, отражены методические аспекты адаптации официальной методики. Сформулированы имеющиеся проблемы в проведении финансового анализа должника-гражданина.

Тенденцией последних лет становится популяризация такого института, как несостоятельность (банкротство). В отличие от банкротства юридических лиц, которое активно реализуется не первое десятилетие, банкротство граждан становится реальностью намного позже. Закрепленные в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)»¹ нормы касаются банкротства граждан были введены в действие только в 2015 г. Именно с этого момента в России наблюдается постепенный рост граждан, признанных банкротами.

¹ О несостоятельности (банкротстве): Фед. закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331.

В представленном исследовании использованы такие методы исследования, как наблюдение, статистический анализ, синтез, индукция, исторический анализ.

Факторов, которые приводят граждан к невозможности удовлетворения требований кредиторов, множество. Наиболее часто встречаются потеря постоянного источника заработка, несопоставимые с доходами расходы гражданина, крах проекта, неверно рассчитанный эффект от вложенных средств, неадекватное оценивание своих возможностей при привлечении заемных средств. Это все приводит к постоянному росту задолженности и вследствие этого к судебным тяжбам.

О количестве и динамике граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами в РФ, свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Количество граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами в РФ за 2017–2021 гг., тыс. человек [4]

Показатель	Годы					Изменения, %			
	2017	2018	2019	2020	2021*	18/17	19/18	20/19	21/20*
Количество банкротов	27,5	41,8	66,0	116,5	176,0	+52	+57	+76,5	+51
В том числе среди индивидуальных предпринимателей	2,0	2,0	2,5	2,3	5,4	–	+25	–8	+135

Примечание. * – прогнозируемые данные.

Данные табл. 1 свидетельствуют о росте числа граждан, признанных банкротами. Так, с 2017 по 2021 г. наблюдается увеличение их количества более чем в 6 раз. К концу 2021 год их количество достигнет 176 000 человек. Это граждане, задолженность которых была списана в результате процедур банкротства. Количество индивидуальных предпринимателей, признанных банкротами, увеличилось за рассматриваемый период в 2,7 раза и составило 5400 человек.

Необходимо отметить, что в 95% случаев заявление о банкротстве подается самим должником, в 3,9% – кредиторами, в 1,1% – Федеральной налоговой службой.

Среди регионов РФ по числу граждан, признанных банкротами, лидируют г. Москва, Московская область, Краснодарский край, Самарская область, г. Санкт-Петербург, Свердловская область.

Неотъемлемым участником процесса банкротства граждан является финансовый управляющий. Среди его обязанностей выделяются следующие:

- принятие мер по выявлению имущества гражданина и обеспечению сохранности этого имущества;
- проведение анализа финансового состояния гражданина;
- выявление признаков преднамеренного и фиктивного банкротства;
- ведение реестра требований кредиторов;
- уведомление кредиторов о проведении собраний кредиторов;
- созыв и проведение собрания кредиторов и др. [3].

В рамках данной статьи рассмотрены особенности проведения анализа финансового состояния гражданина.

В нашей стране пока не сложилась четкая теоретическая и методологическая база проведения анализа финансового состояния гражданина. Ряд ученых предлагают свое видение методологии проведения анализа, однако они пока не находят отклика со стороны органов власти.

Наиболее весомый вклад в развитие теоретической базы внес С.Е. Кован, который в своих трудах предлагает методику проведения такого рода анализа, концептуально подходя к развитию данной темы [5, 6].

Целью проведения анализа финансового состояния гражданина являются диагностика состояния имущества, оценка его платежеспособности, определение возможности восстановления платежеспособности.

В РФ анализ финансового состояния должника проводится в соответствии с Правилами проведения финансового анализа арбитражным управляющим, утвержденными Постановлением Правительства РФ 25 июня 2003 г. (далее – Правила)¹. Данные Правила не предусматривают каких-либо особенностей проведения анализа финансового состояния гражданина. Действующие арбитражные управляющие применяют вышеуказанные Правила в отношении юридических лиц. Поскольку основным источником проведения анализа является бухгалтерская отчетность, применение Правил относительно граждан-должников видится затруднительным. В связи с вышеизложенным арбитражным управляющим (в данном случае финансовым управляющим) приходится адаптировать официальную методику.

Финансовый анализ проводится на основе определенных документов. Среди источников может быть информация из документов, которые должник приложил к заявлению о признании гражданина банкротом. Данный перечень представлен в ст. 213.14 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»:

- документы, подтверждающие наличие задолженности, основание ее возникновения и неспособность гражданина удовлетворить требования кредиторов в полном объеме;
- документы, подтверждающие наличие или отсутствие у гражданина статуса индивидуального предпринимателя;
- списки кредиторов и должников гражданина с указанием сумм задолженности;
- опись имущества гражданина;
- копии документов, подтверждающих право собственности гражданина на имущество, и документов, удостоверяющих исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности гражданина;
- копии документов о совершившихся гражданином в течение трех лет до даты подачи заявления сделок с недвижимым имуществом, ценными

¹ Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа: Постановление Правительства РФ от 25.06.2003 г. № 367 [Электронный ресурс] // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/12131539>.

бумагами, долями в уставном капитале, транспортными средствами и сделках на сумму свыше трехсот тысяч рублей;

– выписка из реестра акционеров (участников) юридического лица, акционером (участником) которого является гражданин;

– сведения о полученных физическим лицом доходах и об удержанных суммах налога за трехлетний период, предшествующий дате подачи заявления о признании гражданина банкротом;

– выданная банком справка о наличии счетов, вкладов (депозитов) в банке и (или) об остатках денежных средств на счетах, во вкладах (депозитах);

– сведения о состоянии индивидуального лицевого счета застрахованного лица;

– копия решения о признании гражданина безработным, выданная государственной службой занятости населения, в случае принятия указанного решения;

– копия свидетельства о постановке на учет в налоговом органе (при наличии) и др.

Используя перечисленные документы, финансовый управляющий проводит финансовый анализ гражданина.

В соответствии с Правилами необходимо провести:

1) анализ коэффициентов финансово-хозяйственной деятельности должника и показатели, используемые для их расчета;

2) анализ хозяйственной, инвестиционной и финансовой деятельности должника, его положения на товарных и иных рынках;

3) анализ активов и пассивов должника;

4) анализ возможности безубыточной деятельности должника.

Как уже отмечалось выше, перечисленные направления анализа требуют адаптации к гражданину-должнику. Анализ коэффициентов финансового хозяйственной деятельности должника-гражданина должен включать коэффициенты, представленные на рисунке.

В основе данных коэффициентов лежат базовые показатели, методика расчета которых представлена в Правилах. На основе анализа трудов [1, 2, 5, 6] базовые показатели и коэффициенты адаптированы к должнику-гражданину и представлены в табл. 2.

В таблице в целях исследования некоторые показатели и коэффициенты были носят сугубо рекомендательный характер. В Правилах не предусмотрены какие-либо нормативные значения вышеперечисленных коэффициентов. Однако многие арбитражные управляющие в отчетах указывают на несоответствии рассчитанных коэффициентов нормативным значениям. Это является грубейшей ошибкой в ходе проведения анализа.

После расчета коэффициентов финансовый управляющий проводит анализ хозяйственной, инвестиционной и финансовой деятельности должника. В процессе анализа оцениваются внешние и внутренние условия жизнедеятельности должника.

Коэффициенты финансово-хозяйственной деятельности должника-гражданина

Таблица 2

Базовые показатели и коэффициенты финансово-хозяйственной деятельности должника-гражданина

Наименование	Алгоритм расчета
<i>Базовые показатели</i>	
Активы	A
Активы, не включаемые в конкурсную массу	$A_{\text{нкм}}$
Денежные средства	ДС
Краткосрочные вложения	КВ
Наиболее ликвидные активы	$НЛА = ДС + КВ$
Ликвидные активы	ЛА
Постоянные активы (квартира и т.д.)	$ПА = A - ЛА$
Обязательства	ОБ
Собственный капитал	СК
Доходы за анализируемый период	Д
Расходы за анализируемый период	Р
Минимально необходимые расходы	P_{min}
Финансовый ресурс	$ФР = Д - P_{\text{min}}$

Окончание табл. 2

Наименование	Алгоритм расчета
<i>Коэффициенты платежеспособности</i>	
Коэффициент абсолютной ликвидности	$K_{АЛ} = \frac{НЛА}{ОБ}$
Коэффициент текущей ликвидности	$K_{ТЛ} = \frac{ЛА}{ОБ}$
Показатель обеспеченности обязательств должника его активами	$Обеспеч = \frac{А - А_{НКМ}}{ОБ}$
Степень платежеспособности по текущим обязательствам	$C_{Пл} = \frac{ОБ}{Д/12}$
<i>Коэффициенты финансовой устойчивости</i>	
Коэффициент автономии (финансовой независимости)	$K_A = \frac{СК}{А}$
Коэффициент обеспеченности собственными ликвидными активами	$K_{СЛА} = \frac{СК - ПА}{ЛА}$
Доля просроченных обязательств в пассивах	$Доля_{поб} = \frac{Просроченные\ ОБ}{Пассивы}$
Показатель отношения дебиторской задолженности к активам	$Доля_{ДЗ} = \frac{ДЗ}{А}$
<i>Коэффициенты деловой активности</i>	
Рентабельность активов	$R_{акт} = \frac{ФР}{А} \times 100\%$
Норма финансового ресурса	$H_{ч.п.} = \frac{ФР}{Д} \times 100\%$

Следующим шагом в работе управляющего является анализ активов и пассивов должника-гражданина. Проведение данного анализа практически идентично проведению финансового анализа юридического лица. Следует осуществить подробный анализ имеющегося имущества гражданина, его структуры и динамики на последние два года до подачи заявления в суд. Подробно изучаются обязательства должника, оцениваются основания их возникновения, проводится анализ их структуры и динамики.

Завершающим этапом является анализ возможности безубыточной деятельности должника-гражданина. Данный раздел представляет сложность, так как арбитражному управляющему необходимо спрогнозировать будущие денежные потоки, как положительные, так и отрицательные, что в современных, быстроменяющихся условиях сделать непросто [7].

В результате проведения финансового анализа финансовый управляющий приходит к выводу о целесообразности введения последующей процедуры банкротства. Также результаты анализа являются основой для проведения анализа по выявлению признаков фиктивного и преднамеренного банкротства гражданина-должника [3].

В процессе подготовки и проведения финансового анализа арбитражный управляющий сталкивается с рядом проблем, среди которых следует отметить:

- отсутствие методологической базы проведения анализа;
- отсутствие специальных нормативно-правовых актов, регламентирующих проведения анализа;

- необоснованность рекомендуемых значений финансовых коэффициентов, рассчитываемых в процессе анализа;
- сложность получения информации об имеющемся имуществе и обязательствах должника;
- невозможность оценить рациональность предыдущих расходов должника.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что институт банкротства граждан будет только развиваться, будет усложняться его процесс. В процессе его реализации будут всплывать «слабые места», снижающие его эффективность. Решение выявленных проблем позволит вывести его на более высокий уровень. К решению проблем проведения финансового анализа должны подключиться представители регулирующего органа, научные кадры, арбитражные управляющие.

Литература

1. Векишина О.И., Векишин А.С. Анализ финансового состояния должника-гражданина в процедурах банкротства // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3, № 2. С. 120–125.
2. Векишина О.И., Векишин А.С. Проблемы анализа финансового состояния должника-гражданина // Современная экономическая наука: теоретический и практический потенциал. Инновационное развитие современного экономического образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль: ООО «Филигрань», 2020. С. 307–311.
3. Гурджиян В.Л. Проблемы выявления арбитражным управляющим признаков преднамеренного и фиктивного банкротства // Современные тенденции развития бухгалтерского учета, налогообложения, анализа и аудита в российской и международной практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 95–98.
4. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
5. Кован С.Е. Антикризисный менеджмент. Антикризисный консалтинг. Решение типовых задач. М.: Проспект, 2017. 192 с.
6. Кован С.Е. Анализ финансового состояния гражданина в процедурах банкротства // Эффективное антикризисное управление. 2016. № 3. С. 60–68.
7. Щербакович И.А., Макаренко О.А. Перспективы финансового оздоровления должника в рамках банкротства граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 188–190.

ГУРДЖИЯН ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vladim_leo@mail.ru).

Vladimir L. GURDZHIYAN

ANALYSIS OF THE FINANCIAL CONDITION OF THE DEBTOR-CITIZEN WHEN INTRODUCING BANKRUPTCY PROCEDURES: TECHNOLOGY AND PROBLEMS OF CONDUCTING

Key words: *bankruptcy, financial analysis, debtor-citizen, arbitration manager, financial manager, debt restructuring, property sale, financial analysis methodology, debtor's property, solvency, liquidity, business activity.*

Currently, many citizens actively resort to such an institution of a market economy as insolvency (bankruptcy). The effectiveness of this procedure's carrying out depends on a number of factors, among which are the level of qualification, experience and knowledge

of the arbitration manager, the debtor-citizen's willingness to cooperate and the quality of methodological support of the process itself. The article discusses the methodological aspects of conducting the analysis of the financial condition of the debtor-citizen, describes the technology of adapting the official methodology of financial analysis applied to legal entities, identifies problems in the process of conducting such an analysis, and suggests the main directions for its improvement. Statistical information on the number and dynamics in the number of citizens declared bankrupt is presented. The author carried out systematization of information sources that underlie the financial analysis, and identified incomplete and unreliable sources that do not give arbitration managers the opportunities to draw adequate and correct conclusions. The study highlights the problem of analyzing the possibility of restoring the debtor-citizen's solvency, as this directly affects the possibility of introducing a bankruptcy rehabilitation procedure – restructuring the debtor's debt. The article examines the features of calculating the indicators that underlie the debtor's analysis in order to identify signs of intentional and fictitious bankruptcy; it reflects the methodological aspects of adapting the official methodology. The existing problems in carrying out the financial analysis of the debtor-citizen are formulated.

References

1. Vekshina O.I., Vekshin A.S. *Analiz finansovogo sostoyaniya dolzhnika-grazhdanina v protsedurakh bankrotstva* [Analysis of the financial condition of a debtor-citizen in bankruptcy procedures]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 120–125.
2. Vekshina O.I., Vekshina A.S. *Problemy analiza finansovogo sostoyaniya dolzhnika-grazhdanina* [Problems of analysis of the financial condition of the debtor-citizen]. In: *Sovremennaya ekonomicheskaya nauka: teoreticheskii i prakticheskii potentsial. Innovatsionnoe razvitiye sovremen-nogo ekonomicheskogo obrazovaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Modern economic science: theoretical and practical potential. Innovative development of modern economic education»]. Yaroslavl', Filigran' Publ., 2020, pp. 307–311.
3. Gurdzhiyan V.L. *Problemy vyyavleniya arbitrazhnym upravlyayushchim priznakov prednameren-nogo i fiktivnogo bankrotstva* [Problems of identifying by the insolvency administrator signs of premeditated and fictitious bankruptcy]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya bukhgalterskogo ucheta, nalogooblozheniya, analiza i audita v rossiiskoi i mezhdunarodnoi praktike: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Int. Sci. Conf. «Modern trends in the development of accounting, taxation, analysis and audit in Russian and international practice»]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2011, pp. 95–98.
4. *Dannye sudebnoi statistiki* [Judicial statistics]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
5. Kovan S.E. *Antikrizisnyi menedzhment. Antikrizisnyi konsalting. Reshenie tipovykh zadach* [Anti-crisis management. Anti-crisis consulting. Solving typical tasks. Workshop]. Moscow, Prospekt Publ., 2017, 192 p.
6. Kovan S.E. *Analiz finansovogo sostoyaniya grazhdanina v protsedurakh bankrotstva* [Analysis of the financial condition of a citizen in bankruptcy procedures]. *Effektivnoe antikrizisnoe upravlenie*, 2016, no. 3, pp. 60–68.
7. Shcherbakovich I.A., Makarenko O.A. *Perspektivy finansovogo ozdorovleniya dolzhnika v ramkakh bankrotstva grazhdan* [Prospects for the financial recovery of the debtor within the framework of the bankruptcy of citizens]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2018, no. 3, pp. 188–190.

VLADIMIR L. GURDZHIYAN – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor of Management and Marketing Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vladim_leo@mail.ru).

Формат цитирования: Гурджиян В.Л. Анализ финансового состояния должника-гражданина при введении процедур банкротства: технология и проблемы проведения [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 1–8. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/1>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-1-8.

Т.Г. ЖАМКОВА, Е.В. БАБЕШКОВА

**ВЛИЯНИЕ КАДРОВОГО ПРОЦЕССА «НАЕМ ПЕРСОНАЛА»
НА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ**

Ключевые слова: организационная культура, организация, наем персонала, ценности.

Современные условия накладывают отпечаток на взаимодействие сотрудников организации, а значит, и на организационную культуру компании. Большое влияние на стабильность основных принципов, разделяемых сотрудниками, оказывают индивидуальные характеристики работников, в частности их ценностные ориентации. Работник в организации должен быть не только профессионалом в своем деле, но и способным воспринять организационную культуру и принять при необходимости ее изменения. Одним из основных факторов, от которых зависит качество персонала, является наем персонала. Именно на этом этапе можно стыковать ожидания личности и организации относительно друг друга, чтобы предотвратить возможные конфликты в дальнейшем. Грамотная концепция найма и отбора позволит своевременно обеспечивать организацию высококвалифицированным персоналом, ориентированным на основные организационные цели и ценности. В этой связи кадровый процесс «наем персонала» представляется одним из наиболее значимых в организации.

В ходе исследования, приведенного в статье, были выявлены основные приоритеты ценностных ориентаций различных категорий работников – рабочих, служащих, руководителей. На основе анализа сформулированы выводы о наличии определенных организационных проблем, возникающих в результате несоответствия ценностных ориентаций отдельного работника и организационной культуры компании в целом. По результатам выявленных проблем даются рекомендации относительно организационной процедуры найма персонала, чтобы обеспечить компанию максимальным числом сотрудников, которые будут разделять основные организационные ценности, не ставя им в противовес собственные противоположные ценности, поскольку от этого зависит сила организационной культуры.

Исследования организационной культуры проводятся с середины XX в. и все еще остаются актуальными. Современные эпидемиологические условия способствуют развитию электронного взаимодействия между людьми. Большинство организаций было вынуждено переводить сотрудников на работу онлайн. Все это изменяет характер взаимодействия работников организации и непосредственно влияет на организационную культуру.

Анализ теоретических источников, посвященных вопросам управления персоналом, показал, что определения организационной культуры достаточно разнообразны. Так В.А. Спивак считает, что «организационная культура – это ведущий фактор, определяющий специфику фирмы, особенности взаимодействия работников, требования к работникам и отношение к ним» [7. С. 92].

Известный западный исследователь культуры организации Э. Шейн определяет ее следующим образом: «модель поведенческих норм, разделяемых всеми, которая была использована в прошлом и признана правильной и, следовательно, должна быть передана для усвоения новым членом организации как единственно правильный способ восприятия...» [5. С. 14].

Многие авторы, такие как К. Дэвис, О.С. Виханский, Т.Ю. Базаров и др., сходятся во мнении, что в основе организационной культуры лежат предположения, принимаемые членами организации и выражающиеся в ценностях, регламентирующих поведение человека в организации.

Можно отметить, что организационная культура является неотъемлемым фактором регулирования поведения сотрудников организации и их взаимодействия [4].

В проведенном нами исследовании была выдвинута гипотеза о том, что сила организационной культуры непосредственно зависит от индивидуальных характеристик работников, в частности от их ценностных ориентаций. Здесь важным, на наш взгляд, является выявление способов комплектования штатов и испытаний при приеме на работу. Таким образом в фокусе нашего внимания оказывается наем персонала.

Объектом исследования стали организации Чувашской Республики. На первом этапе были выявлены источники найма персонала (табл. 1).

Таблица 1

Источники найма персонала в организациях ЧР

Источник найма	Доля, %
Интернет	32
Внутренний маркетинг персонала	22
Поиск самими работниками среди знакомых	20
Кадровые агентства	18
Другие	8

Преобладающим источником найма является поиск в сети Интернет, так как является самым дешевым и позволяет найти большое количество кандидатов.

Далее идет внутренний маркетинг персонала, представляющий собой ориентацию на уже занятых в организации работников, стимулирование их развития, обучения, карьерный рост.

Во многих организациях администрация предлагает своим работникам найти кандидатов среди знакомых и родственников, которые выражают желание работать в данной организации.

В кадровые агентства чаще обращаются для поиска кандидатов, имеющих узкую профессиональную специализацию и высокую квалификацию.

Другие источники найма – это вузы, колледжи, объявления в газетах, радио и телевидении.

На втором этапе были изучены способы отбора персонала. В большинстве организаций (76%) этот процесс начинается с анализа резюме соискателей и информации, представленной в заполненных ими анкетах [1]. По формальным критериям выбираются те кандидаты, которые будут приглашены на интервью по найму (собеседование). В некоторых организациях (67%) собеседование проводится в один этап, в других (33%) – в два этапа.

Собеседование, имеющее один этап, проводится при личном контакте сотрудником службы управления персоналом или руководителем организации.

Многоуровневое собеседование состоит из первичного интервью с сотрудником службы управления персоналом либо по телефону, либо при личном контакте. Вторым этапом интервью является собеседование с непосредственным руководителем или назначенным им лицом.

После успешного прохождения беседы по найму проводится проверка рекомендаций (в 45% организаций).

Затем проводится согласование кандидатур: работник службы управления персоналом совместно с руководителем, в чье подразделение подбирается персонал, обсуждают результаты проведенных собеседований, результаты проверки рекомендаций, резюмируют всю собранную информацию и выбирают наиболее подходящего кандидата.

На третьем этапе нашего исследования были проведены диагностика ценностных ориентаций персонала и анализ организационных ценностей, поскольку ценности лежат в самой основе культуры каждой организации [2] Опрос проводился по методике «Рейтинг ценностно-потребностных ориентаций персонала» [6], позволяющей определить рейтинг ценностей и уровень соответствия ценностей и степени удовлетворения потребностей.

Среди сотрудников организаций были выделены следующие группы: рабочие, служащие, руководители. Полученные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Приоритетные и актуальные ценности основных групп персонала

Ценности	Рабочие		Служащие		Руководители	
	рейтинг	соответствие	рейтинг	соответствие	рейтинг	соответствие
Благополучие в семейных отношениях			4	3	5	8
Удовлетворенность в отношениях с сотрудниками			5	6		
Личная комфортность и удовлетворенность в жизни	2	8			1	3
Защищенность в социальной среде: на работе и вне ее	3	12	6	10		
Комфортность условий труда	5	4	9	2	9	2
Авторитет среди сотрудников					4	5
Удовлетворенность взаимоотношениями с вышестоящим руководством	8	7				
Спокойствие и уверенность в благополучии и обеспеченности семьи в настоящем и будущем	4	9	3	7	10	1
Материальная достаточность и удовлетворенность денежным содержанием			2	5	3	7
Высокие результаты труда и их признание	7	11				
Соответствие позиции лидера реальному статусу					6	2
Удовлетворенность взаимоотношениями на работе	9	1			7	3
Преобладание хорошего настроения	10	3	10	4	8	3

Окончание табл. 2

Ценности	Рабочие		Служащие		Руководители	
	рей- тинг	соответ- ствие	рей- тинг	соответ- ствие	рей- тинг	соответ- ствие
Признание руководством личных усилий и их оптимальности в достижении результатов труда			7	9		
Мотивация профессиональной деятельности	6	10	8	8		
Забота о личном здоровье и здоровье членов семьи	1	12	1	9	2	3

В аналитической табл. 2 мы отразили только приоритетные ценности работников, которые имеют рейтинг от 1 до 5, и актуальные ценности с рейтингом от 6 до 10. Кроме того, отражены уровень соответствия определенных ценностей и степень их удовлетворения. Высокий уровень соответствия – до 5, удовлетворительное соответствие находится в пределах от 6 до 10, а вот интервал от 11 до 15 уже характеризует наличие проблем из-за несоответствия.

Анализ полученных результатов позволяет отметить, что у разных групп персонала: рабочих, служащих и руководителей – свои приоритетные ценности. При этом общими из них стала забота о личном здоровье и здоровье членов семьи, что является вполне понятным в сложившихся эпидемиологических условиях. Нельзя не отметить, что среди приоритетных ценностей всех групп преобладают личные ценности.

Актуальные для группы рабочих ценности: мотивация профессиональной деятельности, высокие результаты труда и их признание, удовлетворенность взаимоотношениями с вышестоящим руководством, удовлетворенность взаимоотношениями на работе, преобладание хорошего настроения.

Для служащих – защищенность в социальной среде: на работе и вне ее, признание руководством личных усилий и их оптимальности в достижении результатов труда, мотивация профессиональной деятельности, комфортность условий труда, преобладание хорошего настроения.

Для группы руководителей актуальны соответствие позиции лидера реальному статусу, удовлетворенность взаимоотношениями на работе, преобладание хорошего настроения, комфортность условий труда, спокойствие и уверенность в благополучии и обеспеченности семьи в настоящем и будущем.

Среди актуальных ценностей всех групп преобладают ценности, связанные с работой, а общей ценностью является хорошее настроение.

При этом у группы рабочих высокий уровень несоответствия ценностей степени их удовлетворения выявлен по таким показателям, как «забота о личном здоровье и здоровье членов семьи», «защищенность в социальной среде» и «высокие результаты труда и их признание». По категориям «служащие» и «руководители» картина более благоприятна и не позволяет выделить сколько-нибудь значимые проблемы из-за несоответствия ценностей и степени удовлетворения потребностей.

У руководителей самое максимальное несоответствие получила ценность «благополучие в семейных отношениях».

Для уточнения полученных результатов были проведены беседы с представителями всех выделенных групп персонала. В итоге удалось выяснить, что:

– большинство работающих в организациях рабочих и служащих считает, что руководство не уделяет внимания здоровью работников;

– по вопросам о социальной защищенности рабочими и служащими были высказаны точки зрения о недостаточности возможностей для развития сотрудника и реализации его профессиональных и творческих способностей;

– были выявлены несоответствия в ожиданиях представителей рабочих относительно признания руководством результатов их труда, отсутствие эффективной обратной связи;

– преобладающее число руководителей считают, что их напряженная работа практически не оставляет времени на семью, что негативно сказывается в семейных отношениях;

– 53% руководителей не подозревали о наличии выявленных приоритетных ценностей у своих сотрудников.

Анализ организационных ценностей показал, что для большинства организаций (78%) общими оказались следующие ценности: командный дух, ориентация на результат, развитие персонала, уважение. Кроме перечисленных были еще такие, как доверие, ориентация на потребителей, корпоративная социальная ответственность, безопасность, профессионализм, лидерство.

Очевидно, что в основе организационной культуры исследуемых компаний лежат деловые ценности, а приоритетными ценностями сотрудников оказались личные ценности, о чем многие руководители даже не догадывались.

Проведенное исследование процесса найма персонала позволяет отметить тот факт, что основным этапом отбора кандидата практически во всех исследуемых организациях является собеседование. По его результатам дается заключение о ценностных ориентациях, мотивации, характерологических особенностях и других характеристиках претендента, имеющих непосредственное отношение к его способности воспринять организационную культуру компании.

Между тем само отношение к проведению интервью по найму весьма формально, так как не существует сомнений, что собеседование – это обязательный и достаточный способ диагностики при приеме на работу. Практически не применяются такие методы отбора, как составление профиля компетенций работника, тестирование, профессиональные испытания, оценочный центр [3].

Изучение ценностей сотрудников и организации показало, что имеющиеся способы найма не дают того эффекта, на который рассчитывает компания. Возникает противоречие между ожиданиями работников и организации относительно друг друга.

Для того, чтобы устранить несоответствие между ценностями работников и организации, целесообразно менее формально подходить к процессу найма. По возможности ввести дополнительные способы отбора: глубокий анализ документов, прилагаемых претендентом в кадровую службу организации, тестовую диагностику ценностей претендентов и других индивидуальных характеристик.

Чем большее количество сотрудников будет разделять основные организационные ценности, не ставя им в противовес собственные противоположные ценности, тем более сильной будут организационная культура и, как следствие, более высокая сплоченность коллектива и результативность деятельности.

Литература

1. Бабешкова Е.В., Жамкова Т.Г. Влияние кадровых процессов на организационную культуру // *Oeconomia et Jus*. 2020. № 3. С. 1–8.
2. Воронков А.А. Использование корпоративной культуры в качестве современного управленческого инструмента [Электронный ресурс] // *Россия и Америка в XXI веке*. 2021. Вып. № 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760014723-2-1>.
3. Гурджиян В.Л., Жамкова Т.Г., Бабешкова Е.В. Роль менеджмента в обеспечении экономической безопасности предприятия // *Инновационное развитие экономики*. 2019. № 6(54). С. 281–286.
4. Киселева А.А. Организационная культура как инструмент повышения эффективности управления персоналом организации // *Сборник научных работ серии «Государственное управление»*. 2019. № 16. С. 65–76.
5. Колесников А.В. Корпоративная культура. М.: Юрайт, 2021. 167 с.
6. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб.: Речь, 2001. 418 с.
7. Спивак В.А. Деловая этика. М.: Юрайт, 2021. 463 с.

ЖАМКОВА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА – старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (krysa941@mail.ru).

БАБЕШКОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (babeshkova@inbox.ru).

Tatyana G. ZHAMKOVA, Ekaterina V. BABESHKOVA

THE INFLUENCE OF THE RECRUITMENT PROCESS "EMPLOYEE HIRING" ON THE ORGANIZATIONAL CULTURE

Key words: organizational culture, organization, recruitment, values.

Modern conditions leave an imprint on the interaction of the organization's employees, and consequently on the company's organizational culture. Individual characteristics of employees, in particular their value orientations, have a great influence on the stability of basic principles shared by the employees. An employee in an organization should be not only a professional in his field, but also be able to perceive the organizational culture and accept its changes if necessary. One of the main factors on which the quality of personnel depends is employee hiring. It is at this stage that the expectations of the individual and the ones of the organization regarding each other can be joined in order to prevent possible conflicts in the future. A competent recruitment and selection concept will give the organization the opportunity to be provided with highly qualified personnel focused on the main organizational goals and values in a timely manner. In this regard, the personnel recruitment process is one of the most significant in the organization.

In the course of the research presented in the article, the main priorities of the value orientations for various workers categories – workers, employees, managers were identified. Based on the analysis, the authors formulate the conclusions on existence of certain organizational problems that arise as a result of the discrepancy between the value orientations of an individual employee

and the organizational culture of the company as a whole. Based on the results of the identified problems, the authors give recommendations regarding organizing the recruitment procedure in order to provide the company with the maximum number of employees who will share the main organizational values, without putting their own opposite values as a counterbalance to them, since the strength of the organizational culture depends on it.

References

1. Babeshkova E.V., Zhamkova T.G. *Vliyaniye kadrovyykh protsessov na organizatsionnyuyu kul'turu* [Impact of Human Resources on Organizational Culture]. *Oeconomia et Jus*, 2020, no. 3, pp. 1–8.
2. Voronkov A.A. *Ispol'zovanie korporativnoi kul'tury v kachestve sovremennogo upravlencheskogo instrumenta* [Corporate Culture as a Modern Tool for HR Management]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2021, iss. 1. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760014723-2-1>.
3. Gurdzhiyan V.L., Zhamkova T.G., Babeshkova E.V. *Rol' menedzhmenta v obespechenii ekonomicheskoi bezopasnosti predpriyatiya* [The role of management in ensuring the economic security of the enterprise]. *Innovatsionnoe razvitiye ekonomiki*, 2019, no. 6(54), pp. 281–286.
4. Kiseleva A.A. *Organizatsionnaya kul'tura kak instrument povysheniya effektivnosti upravleniya personalom organizatsii* [Organizational culture as a tool for improving the efficiency of personnel management of the organization]. In: *Sbornik nauchnykh rabot serii «Gosudarstvennoye upravlenie»* [Collection of scientific works of the series "Public Administration"], 2019, no. 16, pp. 65–76.
5. Kolesnikov A.V. *Korporativnaya kul'tura* [Corporate Culture]. Moscow, Yurait Publ., 2021, 167 p.
6. Nikiforov G.S., Dmitrieva M.A., Snetkov V.M., ed. *Praktikum po psikhologii menedzhmenta i professional'noi deyatel'nosti* [Practicum on Psychology of Management and Professional Activity]. St. Petersburg, Rech' Publ., 2001, 418 p.
7. Spivak V.A. *Delovaya etika* [Business Ethics]. Moscow, Yurait Publ., 2021, 463 p.

TATYANA G. ZHAMKOVA – Senior Lecturer, Management and Marketing Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (krysa941@mail.ru).

EKATERINA V. BABESHKOVA – Senior Lecturer, Management and Marketing Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (babeshkova@inbox.ru).

Формат цитирования: Жамкова Т.Г., Бабешкова Е.В. Влияние кадрового процесса «наем персонала» на организационную культуру [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. – 2021. – № 4. – С. 9–15. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/2>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-9-15.

**ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИНДИКАТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛОКА ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА***

Ключевые слова: цифровая экономика, индикативное планирование, индикатор, агрегированный индикатор развития цифровой экономики.

В статье рассмотрены основные подходы к построению системы индикаторов индикативного планирования экономического блока цифровой экономики в современных условиях, в том числе и на региональном уровне. Актуальность исследования определяется тем, что индикативное планирование развития цифровой экономики является важной составляющей систем регионального и федерального управления. Цель исследования заключается в изучении существующих и формировании авторского подхода к определению сущности и конкретного содержания системы индикаторов индикативного планирования развития цифровой экономики на различных уровнях государственного управления, специфики реализации на региональном уровне. В теоретическом аспекте полученные результаты будут способствовать дальнейшему развитию теории и методологии индикативного планирования и цифровой экономики.

В практическом плане они могут использоваться для совершенствования и развития существующих систем планирования в Российской Федерации. В процессе исследования были предложены основные индикаторы, характеризующие уровень развития цифровой экономики и проведен их анализ применительно к Российской Федерации. Использование предложенной системы индикаторов как составной части индикативного планирования цифровой экономики позволит эффективно достигать запланированных состояний социально-экономических систем в условиях роста международной конкуренции, цифровизации и информатизации общества.

В качестве основы цифровой экономики определяют информационные системы, Интернет, а также современные научно-технические достижения, особенно в области компьютерных технологий [6. С. 109]. Цифровая экономика также может определяться как сфера деятельности отдельного индивида, предприятия, региона, страны, где происходят создание, диффузия и расширенное использование цифровых инноваций, приводящее к росту эффективности социально-экономических процессов, а также к динамичному и устойчивому развитию социума [8. С. 91]. Кроме того, цифровая экономика классифицируется как один из видов экономической деятельности, когда происходит объединение социальных технологических и экономических отношений на основе цифровых технологий [7. С. 9], которая трансформирует их фундаментальную сущность [1]. Наибольшее распространение основные составляющие цифровой экономики получили в таких отраслях, как банковское обслуживание, страховая деятельность, крупные сети розничной торговли и др. [9].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00529.

Предлагается использовать индекс, рассчитанный с использованием международной методологии расчета индекса развития ИКТ¹ 2007 г.

По данной методике индекс развития ИКТ представляет собой систему трех подындеков:

- подындекс доступа к ИКТ;
- подындекс использования ИКТ;
- подындекс навыков использования ИКТ [10. С. 140].

Вес первого и второго подындеков составляет 40%, третьего – 20% веса индекса развития ИКТ [10. С. 140].

В составе подындекса доступа к ИКТ пять показателей:

– число абонентов фиксированной телефонной сети на 100 человек населения;

– число абонентов мобильной сотовой связи на 100 человек населения;

– пропускная способность международных каналов Интернета на одного пользователя;

– удельный вес домашних хозяйств, имеющих персональный компьютер, в общем числе домашних хозяйств;

– удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к Интернету, в общем числе домашних хозяйств [10. С. 140].

В подындексе использования ИКТ три показателя:

– удельный вес населения – пользователей Интернета в общей численности населения;

– число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения;

– число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения [10. С. 140].

В подындексе практических навыков использования ИКТ три показателя:

– средняя продолжительность обучения;

– валовой охват средним образованием;

– валовой охват высшим образованием [10. С. 140].

При расчете интегрального индекса цифровизации экономики предлагается использовать следующую систему показателей.

1. Показатели, характеризующие внешние условия, созданные для реализации процессов цифровой трансформации:

1.1. Показатели нормативного регулирования цифрового бизнеса:

1.1.1. Оценка делового климата и «легкости» ведения бизнеса,

1.1.2. Оценка уровня нормативного регулирования процессов цифровизации.

1.1.3. Уровень информационной безопасности в использовании цифровых технологий.

1.2. Показатели уровня развития цифровой инфраструктуры:

¹ Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) – технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных, текстов, образов и звука [4].

- 1.2.1. Объем инвестиций в цифровую экономику, доля в ВВП.
- 1.2.2. Наличие специалистов цифровой экономики.
- 1.2.3. Уровень цифровой грамотности населения.
2. Показатели, характеризующие фактическое использование возможностей экономическими субъектами, предприятиями, организациями:
 - 2.1. Показатели, характеризующие доступ экономических субъектов к информационно-коммуникационным технологиям:
 - 2.1.1. Использование персональных компьютеров, % организаций.
 - 2.1.2. Использование серверов, % организаций.
 - 2.1.3. Использование глобальных сетей, % организаций.
 - 2.1.4. Использование сети Интернет, % организаций.
 - 2.1.5. Из них широкополосный доступ, % организаций.
 - 2.2. Показатели фактического использования возможностей экономическими субъектами:
 - 2.2.1. Организации, имевшие веб-сайт, % от общего числа обследованных организаций.
 - 2.2.2. Использование локальных вычислительных сетей, % организаций.
 - 2.2.3. Организации, использовавшие специальные программные средства, всего % от общего числа обследованных организаций.
 - 2.2.4. Организации, использующие автоматический обмен данными между своими и внешними информационными системами, % [5. С. 104].

Для оценки уровня развития цифровой экономики в Самарской области была разработана следующая система показателей на основе методики DECA (Digital Economy Country Assessment или DECA, разработанной Всемирным банком в сотрудничестве с Институтом развития информационного общества (ИРИО)).

1. *Нецифровые факторы:*
 - удельный вес организаций, осуществляющих инновации, %;
 - численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в расчете на 10 000 человек населения, человек;
 - темп роста затрат организаций на ИКТ, %.
2. *Цифровые факторы:*
 - удельный вес домохозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домохозяйств, %;
 - удельный вес населения, использовавшего сеть Интернет каждый день или почти каждый день, в общей численности обследуемого населения, %;
 - удельный вес организаций, использующих глобальные информационные сети, в общем числе обследованных организаций, %;
 - число персональных компьютеров, имевших доступ к сети Интернет, на 100 работников организаций, шт.;
 - удельный вес организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе обследованных организаций, %;
 - удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства, в общем числе обследованных организаций.

3. Цифровой сектор:

- темп роста объема отгруженной продукции, выполненных работ, оказанных услуг по деятельности в сфере информации и связи, %;
- темп роста оборота организаций в сфере информации и связи, %;
- темп роста числа организаций в сфере информации и связи, % [2. С. 29].

Каждый регион обладает собственными специфическими особенностями, которые необходимо учитывать. В то же время регионы находятся в общероссийском социально-экономическом пространстве, т.е. являются носителями общих черт и в обязательном порядке должны подвергаться сравнительному анализу с другими регионами. Вследствие этого возникает необходимость использования в процессе индикативного планирования и мониторинга социально-экономического развития агрегированных показателей, на основе которых возможно построение рейтинговых таблиц, а также проведение научно обоснованного сравнительного анализа [3. С. 12].

В статье будет использоваться информация, полученная в 2019 г. в процессе федерального статистического наблюдения по ф. № 3-информ «Сведения об использовании информационных и коммуникационных технологий и производстве вычислительной техники, программного обеспечения и оказании услуг в этих сферах», которая является самой актуальной на время написания статьи [4].

В целях индикативного планирования развития экономического блока цифровой экономики в регионах РФ предлагается использовать показатели, приведенные в таблице, которые также имеют региональную расшифровку.

**Индикаторы развития экономического блока
цифровой экономики в РФ в 2019 г.**

Показатель	Значение
Число обследованных организаций	246 754
Число организаций, использовавших ИКТ, %	93,52
Число организаций, использовавших Интернет в целях общего характера, %	90,84
Число организаций, имевших специальные программные средства, %	85,9
Число организаций, использовавших Интернет для взаимодействия с органами управления, %	80,21
Число организаций, имевших специальные программные средства российского производства, %	79,34
Число организаций, использовавших Интернет для получения отдельных видов государственных и муниципальных услуг, %	74,5
Число организаций, использовавших Интернет для связи с поставщиками, %	71,47
Число организаций, использовавших электронный документооборот (ЭДО) ¹ , %	70,01
Число организаций, использовавших Интернет для связи с потребителями, %	53,28
Число организаций, имевших веб-сайт в Интернете, %	51,91

¹ Электронный документооборот (ЭДО) – система ведения документации, при которой весь массив создаваемых, передаваемых и хранимых документов поддерживается с помощью информационных и коммуникационных технологий на компьютерах, объединенных в сетевую структуру, предусматривающую возможность формирования и ведения распределенной базы данных [4].

Окончание таблицы

Показатель	Значение
Число организаций, имевших, но не использовавших глобальные информационные сети при продажах (с использованием веб-сайтов, EDI-систем ¹), входящие в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, %	40,63
Число организаций, имевших, но не использовавших глобальные информационные сети при закупках (с использованием веб-сайтов, EDI-систем), входящие в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, %	37,47
Число организаций, использовавших «облачные» сервисы ²	28,06
Число организаций, имевших CRM-, ERP-, SCM-системы ³	20,48
Организации, осуществлявшие закупки товаров (работ, услуг) по заказам, переданным по Интернету, другим глобальным информационным сетям (с использованием веб-сайтов, EDI-систем), входящие в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, %	11,08
Организации, осуществлявшие продажу товаров (работ, услуг) по заказам, полученным по Интернету, другим глобальным информационным сетям (с использованием веб-сайтов, EDI-систем), входящие в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, %	7,92
Затраты на внедрение и использование цифровых технологий, млн руб.	2 316 831,4
Внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий по источникам финансирования, млн руб.	1 828 652,5

Среди обследованных организаций 90,84% использовали Интернет в целях общего характера. По направлениям использования распределение выглядит следующим образом: 88,84% – использовали электронную почту; 88,50% – осуществляли поиск информации в сети; 66,44% – осуществляли банковские и другие финансовые операции; 44,91% – использовали Интернет для профессиональной подготовки персонала; 42,61% – проводили видеоконференции; 33,85% – реализовывали внутренний или внешний наем персонала, а также телефонные переговоры через Интернет / VOIP; 29,01% – были подписаны к доступу электронных баз данных, электронным библиотекам на платной основе.

Использовали Интернет для взаимодействия с органами управления 80,21% обследованных организаций. При этом 74,93% предоставляли заполненные формы (статистической или налоговой отчетности, заявлений, квитанций), 74,43% – получали бланки форм (статистической или налоговой отчетности, заявлений, квитанций), 67,53% – получали информацию о деятельности органов управления, 48,87% – получали государственные услуги от органов

¹ EDI-система – система автоматизированного обмена сообщениями между организациями [4].

² «Облачные» сервисы – технология распределенной обработки данных, в которой компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю как интернет-сервис [4].

³ CRM-система – система управления отношениями с клиентами, с помощью которой организация собирает и накапливает информацию о различных сторонах деятельности своих клиентов, например, о наличии товаров (услуг), потребности в них, циклах продаж, ценах на продукцию [4].

ERP-система – информационная система для идентификации и планирования всех ресурсов организации, которые необходимы для осуществления продаж, производства, закупок и учета в процессе выполнения клиентских заказов [4].

SCM-система – система управления цепочками поставок, предназначенная для автоматизации и управления закупок/снабжения организации, контроля товародвижения [4].

управления полностью в электронном виде (включая платежи, если они необходимы) без необходимости использования бумажного документооборота при получении услуги, 40,60% – участвовали в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и (или) муниципальных нужд.

Для получения отдельных видов государственных и муниципальных услуг использовали Интернет 74,5% обследованных организаций. По видам услуг распределение выглядело следующим образом: 61,78% осуществляли поиск информации в сети о государственных и (или) муниципальных услугах; 59,35% – получали государственные услуги по предоставлению отчетности в ФНС России, ФСС России, ПФР и иные ведомства; 38,82% – получали сведения из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН); 36,86% – получали другие государственные и (или) муниципальные услуги; 27,73% – получали государственные услуги в сфере социального страхования; 10,72% – получали государственные услуги в сфере автомобильного транспорта и перевозок; 10,31% – осуществляли государственную регистрацию результатов и прав интеллектуальной собственности; 9,74% – получали государственные услуги в сфере частной охранной деятельности.

Специальные программные средства использовали 85,9% обследованных организаций. По их видам организации распределились следующим образом: 70,01% – системы электронного документооборота; 57,09% – для осуществления финансовых расчетов в электронном виде; 54,78% – для решения организационных, управленческих и экономических задач; 53,16% – электронные справочно-правовые системы; 44,35% – для управления закупками и продажами товаров (работ, услуг); 38,99% – для управления закупками товаров (работ, услуг); 32,02% – для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет; 28,46% – прочее программное обеспечение; 26,04% – для управления продажами товаров (работ, услуг); 20,48% – CRM-, ERP-, SCM-системы; 16,51% – для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами; 16,35% – обучающие программы; 13,02% – для проектирования; 6,89% – редакционно-издательские системы; 6,33% – RFID-технологии¹; 4,58% – для научных исследований.

Специальные программные средства российского производства имели 79,34% обследованных организаций. По их видам организации распределились следующим образом: 61,59% – системы электронного документооборота; 49,99% – для осуществления финансовых расчетов в электронном виде; 48,18% – электронные справочно-правовые системы; 45,12% – для решения организационных, управленческих и экономических задач; 36,28% – для управления закупками и продажами товаров (работ, услуг); 31,54% – для управления закупками товаров (работ, услуг); 23,13% – для предоставления доступа к базам данных через глобальные информационные сети, включая Интернет; 22,44% –

¹ RFID-технологии – технологии автоматической идентификации объектов, позволяющие посредством радиосигналов считывать или записывать данные, хранящиеся в RFID-метках [4].

прочее программное обеспечение; 19,31% – для управления продажами товаров (работ, услуг); 12,77% – CRM-, ERP-, SCM-системы; 12,26% – обучающие программы; 10,74% – для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами; 6,51% – для проектирования; 4,3% – RFID-технологии; 2,94% – редакционно-издательские системы; 1,98% – для научных исследований.

С поставщиками с помощью Интернет связывалось 71,47% обследованных организаций. При этом 64,57% использовало для получения сведений о необходимых товарах (работах, услугах) и их поставщиках, 48,22% – предоставления сведений о потребностях организации в товарах (работах, услугах), 44,38% – оплаты поставляемых товаров (работ, услуг), 43,25% – размещения заказов на необходимые организации товары (работы, услуги) (без учета заказов, отправленных по электронной почте), 32,39% – получения электронной продукции.

С потребителями с помощью Интернет взаимодействовало 53,28% обследованных организаций. Из всего их числа 48,62% предоставляли сведения об организации, ее товарах (работах, услугах), 28,28% – осуществляли электронные расчеты с потребителями, 23,74% – получали заказы на выпускаемые организацией товары (работы, услуги) (без учета заказов, отправленных по электронной почте), 7,26% – проводили послепродажное обслуживание (сервис), 6,54% – распространяли электронную продукцию.

Системы электронного документооборота использовало 70,01% организаций, 67,0% организаций осуществляли автоматический обмен данными между своими и внешними информационными системами по форматам обмена (EDIFACT, EANCOM, ANSI X12; основанные на XML стандарты, например eb XML, RosettaNet, UBL, rapINET; проприетарные стандарты, согласованные организациями; др.).

Собственным веб-сайтом обладало 51,91% организаций и 46,45% использовало Интернет в коммерческих целях. Каталоги товаров (работ, услуг) или прейскуранты на своих сайтах публиковали 23,81% организаций, 19,69% – вакансии на рабочие места или прием онлайн заявлений на работу, 14,04% – обладали версиями веб-сайта для пользователей мобильной связи, 10,19% – онлайн-овой системой платежей, 8,56% – предоставляли возможность отслеживания статуса заказов.

Имели, но не использовали глобальные информационные сети при продажах (с использованием веб-сайтов, EDI-систем) 40,63% организаций, входящих в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, не использовали при закупках – 37,47%.

«Облачные» сервисы использовало 28,06% организаций, в том числе для доступа к программному обеспечению, предоставляемому провайдером «облачных» сервисов, – 14,50%, для размещения собственного программного обеспечения – 13,56%. CRM-, ERP-, SCM-системы использовало 20,48% организаций, ERP-системы – 14,78%, CRM – 13,86%, SCM – 6,64%.

Организации, осуществлявшие закупки товаров (работ, услуг) по заказам, переданным по Интернету, другим глобальным информационным сетям

(с использованием веб-сайтов, EDI-систем), входящие в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, составляли 11,08% обследованных организаций. Использовали специальные формы, размещенные на веб-сайте или в Экстранете¹, – 9,43%, EDI-систем – 5,20%, организации, в которых удельный вес закупок составлял <10%, – 3,64%, 70–100% – 2,93%, 10–29% – 1,68, 50–69% – 1,67%, 30–49% – 1,16.

Организации, осуществлявшие продажу товаров (работ, услуг) по заказам, полученным по Интернету, другим глобальным информационным сетям (с использованием веб-сайтов, EDI-систем), входящие в разделы и коды ОКВЭД2: В, С, D, E, F, G, H, I, J, L, N, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 95, составляли 7,92% обследованных организаций. Использовали специальные формы, размещенные на веб-сайте или в Экстранете, – 6,48%, EDI-систем – 3,91%, организации, в которых удельный вес продаж составлял < 10%, – 3,51%, 10–29% – 1,46%, 70–100% – 1,32%, 30–49% – 0,84%, 50–69% – 0,80%.

Затраты на внедрение и использование цифровых технологий составили 2 316 831 416,5 тыс. руб. При этом внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий равнялись 1 828 652 510,9 тыс. руб. (78,93%), внешние затраты на внедрение и использование цифровых технологий – 488 178 905,6 тыс. руб. (21,07%). Распределение внутренних затрат происходило следующим образом: на приобретение машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями, а также на их техническое обслуживание, модернизацию, текущий и капитальный ремонт, выполненные собственными силами, – 784 793 210,7 тыс. руб. (33,87%), из них на вычислительную технику и оргтехнику – 398 238 012,1 тыс. руб. (17,19%), на коммуникационное оборудование – 275 077 544,0 тыс. руб. (11,87%), на производственные машины и оборудование, связанные с цифровыми технологиями, – 34 278 379,8 тыс. руб. (1,48%).

На приобретение программного обеспечения, адаптацию и доработку программного обеспечения, выполненные собственными силами, – 487 787 723,3 тыс. руб. (21,05%), из них российского программного обеспечения – 283 507 098,7 тыс. руб. (12,24%). На оплату услуг электросвязи было израсходовано 332 427 625,8 тыс. руб. (14,35%), из них на оплату доступа к Интернету – 82 666 564,3 тыс. руб. (3,57%), на приобретение цифрового контента – 6 637 630,1 тыс. руб. (0,29%), на обучение сотрудников, связанное с внедрением и использованием цифровых технологий, – 4 504 132,6 тыс. руб. (0,19%). Прочие внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий составили 212 502 188,4 тыс. руб. (9,17% от всех внутренних затрат).

Структура внешних затрат на внедрение и использование цифровых технологий выглядела следующим образом: на разработку, аренду, адаптацию, доработку, техническую поддержку и обновление программного обеспечения

¹ Экстранет – закрытая сеть, использующая протоколы Интернет, для того чтобы безопасно обмениваться деловой информацией с поставщиками, продавцами, клиентами и другими деловыми партнерами [4].

было затрачено 288 781 557,2 тыс. руб. (12,46%), из них на разработку программного обеспечения – 89 948 514,2 тыс. руб. (3,88%), на аренду программного обеспечения – 25 340 993,2 тыс. руб. (1,09%), в том числе российского программного обеспечения – 8 322 904,1 тыс. руб. (0,36%). На аренду, техническое обслуживание, модернизацию, текущий и капитальный ремонт машин и оборудования, связанных с цифровыми технологиями, –114 689 066,0 тыс. руб. (4,95%), на доступ к данным/базам данных – 30 459 075,6 тыс. руб. (1,31%). Прочие внешние затраты на внедрение и использование цифровых технологий составили 54 249 206,8 тыс. руб. (2,34%).

Внутренние затраты на внедрение и использование цифровых технологий по источникам финансирования общей суммой 1828652510,9 тыс. руб. распределились следующим образом: собственные средства организации – 1 489 895 080,7 тыс. руб. (81,48% от суммы внутренних затрат), средства бюджетов всех уровней – 217 366 206,8 тыс. руб. (11,89%), из них средства федерального бюджета – 113 194 746,1 тыс. руб. (6,19%), средства бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов – 104 171 460,7 тыс. руб. (5,70%). Из иностранных источников было привлечено 394 527,3 тыс. руб. (0,02%). Прочие привлеченные внутренние средства составили 120 996 696,1 тыс. руб. (6,62% от суммы внутренних затрат).

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, ряд количественных показателей, характеризующих развитие ИКТ и цифровой экономики, превышают уровень «насыщения», т.е. имеют значения > 85%. Поэтому при реализации индикативного планирования целесообразно по отдельным направлениям делать акцент на качественных показателях. В то же время при анализе регионального уровня в РФ может сложиться несколько иная ситуация.

Во-вторых, российское государство в лице государственных структур выступает мощным «драйвером», стимулирующим экономические субъекты и граждан использовать ИКТ, расширяя тем самым ареал цифровой экономики. С государственными структурами большее число экономических субъектов взаимодействует с использованием цифровых технологий, нежели с поставщиками или потребителями.

В-третьих, российские организации имеют цифровые возможности для взаимодействия с поставщиками и потребителями при помощи глобальных информационных сетей, но их не используют. В-четвертых, только одна пятая организаций используют такие инструменты повышения эффективности собственного функционирования, как «облачные» сервисы, CRM, ERP, SCM-системы. В-пятых, только одна вторая российских организаций используют такой мощный инструмент, как веб-сайт, который также позволяет повысить эффективность функционирования, а также даже не получить преимущества в современных условиях цифровизации социально-экономических отношений, а просто не проиграть своим старым и новым конкурентам.

В-шестых, преобладающие формы цифрового взаимодействия организаций с государственными структурами можно описать как «механические», т.е. старое содержание облекается в новые формы, например, в предоставление

статистической или налоговой отчетности. В то же время использовали фундаментальные преимущества цифровой экономики (например, участие в электронных госзакупках) менее 50% организаций.

В-седьмых, положительным фактором можно считать то обстоятельство, что более 75% организаций используют в своей деятельности российское программное обеспечение, которое только на несколько процентов уступает показателю общего использования специального программного обеспечения. В-восьмых, с помощью цифровых технологий экономические субъекты в большей степени взаимодействуют с поставщиками, нежели с потребителями собственной продукции (соотношение 70% против 50%). В-девятых, одним из направлений цифровой экономики выступает использование системы электронного документооборота (около 70% организаций), при этом большая их часть использует данные системы в автоматическом режиме.

Полученные результаты исследования определяют основные направления последующих разработок, направленных на конкретизацию индикаторов, характеризующих развитие цифровой экономики, а также на анализ региональных особенностей ее развития в Российской Федерации.

Литература

1. Авдеева И.П. Анализ перспектив развития цифровой экономики в России и за рубежом // Цифровая экономика и «Индустрия 4.0: проблемы и перспективы: тр. науч.-практ. конф. / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2017. С. 19–25.
2. Болгова Е.В., Гродская Г.Н., Курникова М.В., Меркулов Д.С. Концепция, стратегия, методика оценки развития цифровой экономики инновационных регионов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. № 1(45). С. 22–31.
3. Данилов И.П., Ладыкова Т.И., Краснов А.Г. Методические положения мониторинга изменения макроэкономических параметров в процессе индикативного планирования // *Oeconomia et Jus*. 2020. № 1. С. 9–16.
4. Использование информационных и коммуникационных технологий в организациях: краткий глоссарий [Электронный ресурс] // Росстат: сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/FsBZ5j7X/3-inf_2019.rar (дата обращения: 20.09.2021).
5. Козлов А.В., Тесля А.Б., Иващенко А.А. Формирование системы индикаторов для мониторинга процессов цифровизации национальной экономики // Известия высших учебных заведений. Сер. Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 01(47). С. 97–107. DOI: 10.6060/ivcofin.20214701.522.
6. Крюкова А.А., Михаленко Ю.А. Инструменты цифровой экономики // Карельский научный журнал. 2017. № 3(20). С. 108–111.
7. Маркова В.А. Цифровая экономика. М.: ИНФРА-М., 2018. 186 с.
8. Стефанова Н.А., Седова А.П. Модель цифровой экономики // Карельский научный журнал. 2017. № 1(18). С. 91–93.
9. Сухарев О.С. Информационная экономика, транзакционные издержки и развитие // Журнал экономической теории. 2012. № 1. С. 50–61.
10. Теплякова М.Ю., Хабиб М.Д. Исследование развития цифровой экономики: региональный аспект // Вестник университета. 2020. № 4. С. 137–143. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-4-137-143.

ЛАДЫКОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и региональной экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ladykova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3125-8429>).

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления и региональной экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dip41@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6837-5381>).

Tatiana I. LADYKOVA, Ivan P. DANILOV

THE MAIN INDICATORS OF INDICATIVE PLANNING IN THE ECONOMIC BLOCK OF THE REGIONAL DIGITAL ECONOMY

Key words: digital economy, indicative planning, indicator, aggregated indicator of digital economy development.

The article examines the main approaches to developing the system of indicators for indicative planning in the economic block of digital economy in modern conditions, including the regional level. The relevance of the study is determined by the fact that indicative planning for the digital economy development is an important component of regional and federal government systems. The purpose of the research is to study the existing and to form the author's approach to determining the essence and specific content of the system of indicators for indicative planning the development of the digital economy at various levels of public administration, the specifics of implementation at the regional level. In the theoretical aspect, the results obtained will contribute to further development of theory and methodology in indicative planning and digital economy.

In practical terms, they can be used to improve and develop existing planning systems in the Russian Federation. In the course of the research, the main indicators characterizing the level of digital economy development were proposed and their analysis was carried out in respect to the Russian Federation. The use of the proposed indicators' system as an integral part of digital economy indicative planning will make it possible to effectively achieve the planned states of socio-economic systems in the conditions of increasing international competition, digitalization and informatization of the society.

References

1. Avdeeva I.P. *Analiz perspektiv razvitiya tsifrovoi ekonomiki v Rossii i za rube-zhom* [Analysis of the prospects for the development of the digital economy in Russia and abroad]. In: *Tsifrovaya ekonomika i «Industriya 4.0: problemy i perspektivy: tr. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. Conf. «Digital Economy and Industry 4.0: Problems and Prospects»]. St. Petersburg, 2017, pp. 19–25.
2. Bolgova E.V., Grodskaya G.N., Kurnikova M.V., Merkulov D.S. *Kontseptsiya, Strategiya, metodika otsenki razvitiya tsifrovoi ekonomiki innovatsionnykh regionov* [Concept, Strategy, methodology for assessing the development of the digital economy of innovative regions]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2020, no. 1(45), pp. 22–31.
3. Danilov I.P., Ladykova T.I., Krasnov A.G. *Metodicheskie polozheniya monitoringa izmeneniya makroekonomicheskikh parametrov v protsesse indikativnogo planirovaniya* [Methodological provisions for monitoring changes in macroeconomic parameters in the process of indicative planning]. *Oeconomia et Jus*, 2020, no. 1, pp. 9–16.
4. *Ispol'zovanie informatsionnykh i kommunikatsionnykh tekhnologii v organizatsiyakh: kratkii glossarii* [The use of information and communication technologies in organizations: a short glossary]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/FsBZ5j7X/3-inf_2019.rar.
5. Kozlov A.V., Teslya A.B., Ivashchenko A.A. *Formirovanie sistemy indikatorov dlya monitoringa protsessov tsifrovizatsii natsional'noi ekonomiki* [Formation of a system of indicators for monitoring the processes of digitalization of the national economy]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ser. Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, 2021, no. 01(47), pp. 97–107. DOI: 10.6060/ivecofin.20214701.522.
6. Kryukova A.A., Mikhaleiko Yu.A. *Instrumenty tsifrovoi ekonomiki* [Digital Economy Tools]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2017, no. 3(20), pp. 108–111.

7. Markova V.A. *Tsifrovaya ekonomika* [Digital Economy]. Moscow, INFRA-M. Publ, 2018, 186 p.
8. Stefanova N.A., Sedova A.P. *Model' tsifrovoi ekonomiki* [The Digital Economy Model]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2017, no. 1(18), pp. 91–93.
9. Sukharev O.S. *Informatsionnaya ekonomika, transaktsionnye izderzhki i razvitie* [Information economy, transaction costs and development]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 2012, no. 1, pp. 50–61.
10. Teplyakova M.Yu., Khabib M.D. *Issledovanie razvitiya tsifrovoi ekonomiki: regio-nal'nyi aspekt* [Research on the development of the digital economy: regional aspect]. *Vestnik universiteta*, 2020, no 4. pp. 137–143. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-4-137-143.

TATIANA I. LADYKOVA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of State and Municipal Management and Regional Economy, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ladykova@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3125-8429>).

IVAN P. DANILOV – Doctor of Economics Sciences, Professor, Department of State and Municipal Management and Regional Economy, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (dip41@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6837-5381>).

Формат цитирования: *Ладыкова Т.И., Данилов И.П.* Основные показатели индикативного планирования экономического блока цифровой экономики региона [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 16–27. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/3>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-16-27.

УДК 657.1:338.4
ББК У052.236.33

Ю.Н. ТУЗКОВА, О.И. АРЛАНОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА РАСХОДОВ НА ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ

Ключевые слова: расходы, затраты на производство, себестоимость продукции, учет затрат, затраты, автоматизация учета.

На современном этапе развития рыночной экономики, снижения темпов ее роста и усиления конкуренции актуальным становится поиск новых путей повышения конкурентоспособности российских компаний. Одним из более надежных способов ее повышения является снижение себестоимости продукции, которая характеризует эффективность производства продукции на том или ином предприятии. Эффективное управление производственным процессом на предприятии зависит от того, насколько правильно организованы учет затрат и калькулирование себестоимости продукции и насколько своевременно получена информация о затратах лицами, принимающими долгосрочные и краткосрочные управленческие решения.

В статье рассматриваются проблемы бухгалтерского учета расходов на производство продукции на предприятии, направления совершенствования учета расходов.

В процессе исследования выявлено, что современная система учета затрат на производство сталкивается с рядом проблем. Одна из них – отсутствие единого подхода к определению метода учета затрат на производство продукции на современном предприятии. Кроме того, выявлена такая проблема, как контроль за производственными издержками по причине недостаточной организации учета расходов по месту их возникновения, а также по центру финансовой ответственности и разновидностям продукции.

Рассмотрена также проблема разного уровня развития информационных технологий на конкретных предприятиях, что является сдерживающим фактором для внедрения более прогрессивных методов учета затрат. Раскрыты новые возможности в автоматизации системы бухгалтерского учета расходов на производство продукции и предложены новые направления в проекты внедрения систем оперативного производственного учета затрат. Результаты могут использоваться для научной и практической деятельности, связанной с исследованиями в области бухгалтерского финансового и управленческого учета.

Сделан вывод о необходимости совершенствования учета расходов на производство, что продиктовано такими рыночными факторами, как конкуренция, ценообразование, ассортиментная политика, целесообразность инвестиций и пр.

Введение. На современном этапе развития рыночной экономики, повсеместной ее цифровизации, снижения темпов ее роста и усиления конкуренции актуальным становится поиск новых путей повышения конкурентоспособности российских компаний. Одним из более надежных способов ее повышения является снижение себестоимости продукции, которая характеризует эффективность производства продукции на том или ином предприятии. В настоящее время эффективное управление производственным процессом на предприятии зависит от того, насколько правильно организованы учет затрат и калькулирование себестоимости продукции.

Цель исследования – выявление и анализ актуальных проблем бухгалтерского учета расходов на производство продукции в российских организациях на современном этапе развития экономики.

Задачи исследования:

- определение важности учета расходов на производство для коммерческих предприятий в современных экономических условиях;
- выявление наиболее актуальных проблем бухгалтерского учета расходов на производство;
- рассмотрение путей совершенствования бухгалтерского учета расходов на производство в условиях цифровизации экономики.

В работе использованы следующие методы исследования: анализ документов, экспертный метод, анализ, синтез. Системный подход и логическое обобщение позволили систематизировать приоритетные точки зрения на исследуемые категории. Методологической и информационной базой исследования послужили: нормативно-правовые акты Российской Федерации, периодические издания, электронные ресурсы.

Результаты исследования. Себестоимость продукции является важнейшим показателем производственно-хозяйственной деятельности предприятия. Исчисление себестоимости необходимо для следующих целей: определения рентабельности производства и отдельных видов продукции, выявления резервов снижения себестоимости продукции, формирования ценообразующей политики предприятия, расчета экономической эффективности внедренных новаций, принятия обоснованных решений о корректировке состава выпускаемой продукции. Расчет себестоимости является обязательным шагом для формирования финансового результата предприятия.

Сравнивая традиционную и современную российскую производственную практику, необходимо подчеркнуть, что ранее учет затрат и калькулирование себестоимости продукции входили в единую систему бухгалтерского учета, в современной практике учет затрат и калькулирование себестоимости продукции входит в управленческий учет. Кроме того, в настоящее время с развитием информационных технологий, а также усилением конкурентной среды учету затрат стали уделять внимание, помимо крупных компаний, еще и средние и малые предприятия.

Таким образом, с отнесением учета затрат и калькулирования себестоимости продукции к управленческому учету система калькулирования стала наиболее пригодной для принятия тех или иных решений в сфере управления, поскольку именно информация помогает решать традиционные задачи и прогнозировать предполагаемые экономические последствия.

Однако современная система учета затрат на производство сталкивается с рядом проблем. Рассмотрим некоторые из них. Так, первой проблемой в рассматриваемой нами области следует назвать отсутствие единого подхода к определению метода учета затрат на производство. К традиционным методам

относятся, например, метод учета затрат по фактической себестоимости и по плановой себестоимости, нормативный метод, попередельный метод, позаказный метод. Из зарубежных, в свою очередь, следует назвать метод учета затрат по ABC, по системе «стандарт–кост» или «директ–кост» и др.

На современном этапе развития деятельность производителей построена на выпуске высококачественной конкурентоспособной продукции, но которая при этом изготавливается при минимальных производственных затратах. Вследствие чего выбор метода учета затрат играет важную роль в деятельности предприятия. Однако у каждого из них имеются свои достоинства и недостатки [4. С. 161].

Акцентируем внимание на том, что традиционные методы не являются в полной мере совершенными, вследствие чего считаем необходимым пересмотреть организацию учетной практики в организациях Российской Федерации и обратить внимание на зарубежные методы учета затрат.

Еще одной проблемой по учету затрат можно назвать несовершенство методических документов. В настоящее время применяемые отраслевые методические документы также не полностью берут во внимание все многообразие и изменчивость ситуаций в экономике, формирующихся в ходе осуществления деятельности предприятий разнообразной отраслевой направленности. Вследствие чего субъекты хозяйствования могут столкнуться с рядом сложностей при разработке методического обеспечения учета хозяйственной деятельности для различного назначения.

Не менее важно отметить и такую проблему, с которой сталкиваются предприятия при осуществлении учета затрат, как контроль за производственными издержками по причине недостаточной организации учета расходов по местам их возникновения, а также по центрам финансовой ответственности и разновидностям продукции.

Изучению данных проблем уделяло внимание множество ученых-экономистов, которые вместе с этим предлагают соответствующие пути их решения. Так, например, Е.С. Агеева предлагает ввести классификацию способов калькулирования, а также сузить сферу применения нормативного метода учета затрат [1. С. 54].

Г.Н. Калущих, в свою очередь, предлагает меры по совершенствованию учета расходов на производство посредством применения вычислительной техники, а именно, по ее мнению, необходимо «разукрупнить объекты калькулирования, ввести новую номенклатуру статей расходов на материальную подготовку производства» [5. С. 25].

Данную идею поддерживает также и Р.М. Брусникин, который считает необходимым организовать системный бухгалтерский учет расходов на внедрение новой техники и экономического эффекта от данных мероприятий [2. С. 58].

В современных условиях рыночной экономики цифровизация, высокий уровень автоматизации производственных бизнес-процессов, внедрение новых управленческих концепций изменяют подходы к учету затрат и калькулированию

себестоимости продукции в производстве. Внедряются учет затрат и оценка по потокам создания ценности, что позволяют более точно калькулировать себестоимость изделий, оценить результативность бизнес-процессов, выявить проблемные зоны. В то же время разный уровень развития информационных технологий и автоматизированных производственных систем на конкретных предприятиях является сдерживающим фактором для внедрения более прогрессивных методов учета затрат и калькулирования себестоимости.

Так, например, в пищевой промышленности в последние годы под влиянием углубления автоматизации, роботизации производственных процессов, развития нормативной базы Евразийского экономического союза (ЕАЭС), внедрения в управленческую практику современных методов и некоторых других факторов произошли значительные изменения, оказавшие большое влияние на организацию учета затрат, выбор методов калькулирования себестоимости продукции в этой отрасли экономики. Развитие интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, направленных на максимизацию эффективности единого рынка, повышение благосостояния и качества жизни населения государств – участников союза, привело к постепенному переходу предприятий пищевой промышленности от национального законодательства в области технического регулирования и стандартизации к законодательству ЕАЭС, который в 2015 г. был завершен.

В рамках ЕАЭС разработан Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 «О безопасности пищевой продукции»¹, которым введено понятие «прослеживаемость пищевой продукции», что означает возможность установить изготовителя и последующих собственников находящейся в обращении пищевой продукции, а также место происхождения (производства, изготовления) пищевой продукции и (или) продовольственного (пищевого) сырья. Внедрение этой системы прослеживаемости пищевых продуктов направлено на обеспечение контроля качества и безопасности на всех стадиях процесса создания ценности «от поля до стола», а также на предотвращение попадания на рынок опасных для здоровья пищевых продуктов [3. С. 45].

В пищевом производстве внедрение системы прослеживаемости позволяет более точно калькулировать себестоимость производимых изделий. В программных продуктах, применяемых для ведения производственного, бухгалтерского, управленческого учета на пищевых предприятиях, разработанных на платформе «1С: Предприятие» фирмой 1С: «1С: Предприятие 8. ERP», такая возможность реализована лишь частично. ERP-системы предназначены прежде всего для финансового анализа и контроля предприятия. Они плохо приспособлены для внутрицехового учета. В них отсутствуют инструменты для получения информации с оборудования, интерфейсы, в которых могли бы работать производственники. Поэтому учет в ERP-системах не позволяет оперативно

¹ ТР ТС 021/2011. О безопасности пищевой продукции: утв. решением Комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 г. № 880, с изм. на 08.08.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902320560>.

вносить данные по цехам. Кроме того, загружаемые данные собираются и вносятся с задержкой. При этом также возможны потери, связанные с точностью данных, введенных работником, не имеющим отношения к производству и не несущим ответственности за результат [6].

А для собственников предприятий, финансовых директоров и управленцев для принятия своевременных и взвешенных управленческих решений важны осуществление автоматизированного контроля отклонений на каждом этапе производства, расчёт сырьевой себестоимости, управление себестоимостью продукции на основе оперативного выявления сверхнормативного расхода сырья и материалов, технологических потерь и их причин.

Именно поэтому в стандартах построения IT-систем предприятия производственные данные поступают в ERP-системы из систем цехового учета – MES-систем. Без организации оперативного производственного учета в MES-системе кардинально повысить точность и детальность себестоимости не получится [6].

Действующая система бухгалтерского учета расходов на производство продукции позволяет получить информацию о себестоимости выпущенной и реализованной продукции только после закрытия отчетного периода – месяца. Зачастую при ежедневно меняющихся ценах на сырье, ингредиенты, упаковку информация о себестоимости продукции спустя месяц – уже упущенное время и потеря возможной прибыли. Ежедневно получать отчет о себестоимости продукции, которая была выпущена вчера, – мечта любого финансового директора и управленца.

Использование разнообразных технических средств расширяет возможности учетного процесса. Изначально в проекте внедрения систем оперативного производственного учета предприятиям необходимо поставить задачу получения ежедневной себестоимости. При организации партионного учета на производстве с ежедневным сведением баланса и контролем производственных показателей остается получить цены партий сырья и материалов и рассчитать стоимость продукции. Эти операции выполняются системой автоматически и не требуют дополнительной ежедневной работы со стороны финансовой службы. Такая высокая детализация учета расходов на производство больше не будет требовать больших трудозатрат от бухгалтерской и финансовой службы предприятия.

Кроме того, такая автоматизация производственных бизнес-процессов в производстве ведет к снижению удельного веса косвенных расходов в структуре затрат благодаря более детальной их классификации, и, как результат, большая часть затрат признается в качестве прямых, позволяя более точно калькулировать себестоимость конкретных видов продукции из-за адресного списания сырья и материалов на продукты, а не вследствие «котлового» распределения.

Также очень важно выделять в расходах на производство потери. Их учет сделает возможным оперативный и регулярный контроль по отклонениям

по этой статье расходов. В MES-системе, даже в том случае, когда первичная информация вводится вручную, указываются только количественные параметры, понятные производственникам. Расход сырья по статьям в MES-системе распределяется автоматически согласно настройкам, и это не требует дополнительных трудозатрат для ведения учета.

Представленные в статье результаты исследования предназначены для расширения теоретических взглядов на учет расходов на производство и соответственно формирование фактической себестоимости готовой продукции, полной себестоимости реализации и интерпретации этих показателей для управления.

Выводы. Таким образом, без качественно налаженной калькуляционной работы, без хорошо налаженного учета расходов на производство на предприятии достаточно сложно обеспечить высокий финансовый результат и уровень рентабельности. Отметим, что эффективность производственной деятельности предприятия так или иначе зависит от оперативности формирования и представления информации об издержках, доходах предприятия, а также о результатах его деятельности.

Предприятию необходима своевременная информация, предоставляющая возможность уменьшить расходы на производство продукции. Действующая на современном этапе развития традиционная система учета расходов на большинстве производственных предприятий не отвечает принципам эффективного производства.

Подводя итог, необходимо отметить, что проблемы учета расходов на производство остаются актуальными. Необходимость совершенствования учета расходов на производство продиктована такими рыночными факторами, как конкуренция, ценообразование, целесообразность инвестиций и пр. Конкурентоспособность производителей в значительной степени зависит от того, насколько эффективно они управляют затратами, а эффективно управлять затратами в современных условиях можно при помощи качественной организации оперативного производственного учета затрат с использованием современных средств автоматизации.

Литература

1. Агеева Е.С. Актуальные проблемы ведения бухгалтерского учета основного производства организаций и пути их решения // Социально-экономические и гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 52–54.
2. Брусникин Р.М. Проблема учета затрат на производство и пути их решения // Апробация. 2019. № 6. С. 58–59.
3. Бондарева С.А. Внедрение системы прослеживаемости пищевых продуктов в условиях цифровой экономики // Пищевая индустрия. 2018. № 4. С. 46.
4. Дружченко А.С. Проблемы учета затрат и калькулирования себестоимости продукции в системе современного и отечественного учета // Молодой ученый. 2021. № 4. С. 161–164.
5. Калущких Г.Н. Актуальные проблемы учета затрат на производство // Наука и практика регионов. 2020. № 3. С. 23–26.

6. ERP vs MES. Что выбрать, чтобы получить более точную себестоимость [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/konstanta-erp-vs-mes-chto-vybrat-chto-by-poluchit-bolee-tochnuyu-sebestoimost>.

ТУЗКОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА – магистрант кафедры бухгалтерского учета и электронного бизнеса, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tuzkova.glbuh@mail.ru).

АРЛАНОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и электронного бизнеса, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (arlanova21@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0331-4745>).

Yulia N. TUZKOVA, Olga I. ARLANOVA

ACTUAL PROBLEMS OF ACCOUNTING EXPENDITURES FOR THE OUTPUT OF PRODUCTS

Key words: *expenditures, manufacturing charges, cost of production, cost accounting, expenditures, automation of accounting.*

At present stage of the market economy development, characterized by decrease in its growth rate and increasing competition, it becomes urgent to search for new ways to increase the competitiveness of Russian companies. One of the more reliable ways to increase it is to reduce the cost of production, which characterizes the efficiency of products manufacturing at a particular enterprise. Effective management of the manufacturing process at an enterprise depends on how well cost accounting and output cost determination are organized and how timely the information about expenditures is received by persons making long-term and short-term management decisions.

The article deals with the issues of accounting for expenditures on manufacturing work at an enterprise, directions for improving cost accounting.

In the course of the study, it is revealed that the modern system of accounting for production expenditures faces a number of problems. One of them is the lack of a unified approach to determining the method of accounting for production expenditures in a modern enterprise. In addition, such a problem as control over operating expenditures has been identified due to insufficient organization of expenditures accounting at the place of their occurrence, as well as by the center of financial responsibility and product varieties.

The problem of different levels in information technology development at specific enterprises is also considered, which is considered to be a deterrent to the introduction of more advanced expenditures accounting methods. New opportunities in automation of the accounting system for production expenditures are disclosed and new directions are proposed in projects for implementing operational production cost accounting systems. The results can be used for scientific and practical activities related to research in the field of accounting, financial and managerial accounting.

The authors make a conclusion on the need to improve the accounting of production expenses, which is dictated by such market factors as competition, pricing, assortment policy, expediency of investments, etc.

References

1. Ageeva E.S. *Aktual'nye problemy vedeniya bukhgalterskogo ucheta osnovnogo proizvodstva organizatsii i puti ikh resheniya* [Actual Problems of Accounting of the Main Production of Organizations and Ways to Solve Them]. *Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2021, no. 3, pp. 52–54.

2. Brusnikin R.M. *Problema ucheta zatrat na proizvodstvo i puti ikh resheniya* [The problem of accounting for production costs and ways to solve them]. *Aprobatsiya*, 2019, no. 6, pp. 58–59.

3. Bondareva S.A. *Vnedrenie sistemy proslezhivaemosti pishchevykh produktov v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki* [Implementation of a food traceability system in the digital economy]. *Pishchevaya industriya*, 2018, no. 4, p. 46.

4. Druzhchenko A.S. *Problemy ucheta zatrat i kal'kulirovaniya sebestoimosti produktii v sisteme sovremennogo i otechestvennogo ucheta* [Problems of cost accounting and costing of production in the system of modern and domestic accounting]. *Molodoi uchenyi*, 2021, no. 4, pp. 161–164.

5. Kalutskikh G.N. *Aktual'nye problemy ucheta zatrat na proizvodstvo* [Actual problems of accounting for production costs]. *Nauka i praktika regionov*, 2020, no. 3, pp. 23–26.

6. *ERP vs MES. Chto vybrat', chtoby poluchit' bolee tochnuyu sebestoimost'* [ERP vs MES. What to choose to get a more accurate cost price]. Available at: <https://www.retail.ru/rbc/pressreleases/konstanta-erp-vs-mes-chto-vybrat-chtoby-poluchit-bolee-tochnuyu-sebestoimost>.

YULIA N. TUZKOVA – Master's Program Student, Department of Accounting and Electronic Business, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tuzkova.glbuh@mail.ru).

OLGA I. ARLANOVA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Accounting and Electronic Business Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (arlanova21@mail.ru); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0331-4745>).

Формат цитирования: *Тузкова Ю.Н., Арланова О.И.* Актуальные проблемы бухгалтерского учета расходов на производство продукции [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 28–35. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/4>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-28-35.

**КАТЕГОРИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА»
И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ПРАВОВОМУ СОДЕРЖАНИЮ**

Ключевые слова: нематериальные блага, моральный вред, личные неимущественные права, нормативно-правовой акт, вред, причиненный жизни и здоровью, Гражданский кодекс РФ.

В статье рассматриваются существующие научные подходы к категории «нематериальные блага», одновременно сравнивается содержание данного понятия с термином «личные неимущественные права».

Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку нематериальные блага защищаются от посягательств именно путем взыскания компенсации морального вреда. Данный институт предусматривает возможность возмещения причиненного вреда нематериального характера, на практике наибольшее применение находит такой способ, который предполагает обращение в суд с исковым заявлением. Следовательно, очевидна необходимость изучения вопросов правовой охраны и защиты нематериальных благ с точки зрения анализа судебной и правоприменительной практики.

Цель исследования – проанализировать законодательно закрепленную дефиницию «нематериальные блага» в гражданском законодательстве и выявить диспозитивные начала его практического применения в гражданском обороте.

Методологической основой послужили сравнительно-правовой, формально-юридический, логический, диалектический и другие методы научного исследования.

Обращено внимание на отдельные элементы нематериальных благ – личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни и неприкосновенность жилища, персональные данные, деловая репутация и т.д.

Большое внимание уделено раскрытию научно-правовой концепции нематериальных благ, в результате чего автор приходит к выводу о невозможности однозначного понимания сущности нематериальных благ, в связи с чем предлагаются различные подходы к пониманию и раскрытию содержания искомой категории «нематериальные блага» в российском гражданском праве. Совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей защиту неимущественных прав юридических лиц, следует считать одной из целей развития современного гражданского законодательства.

Нематериальные блага занимают одно из важнейших мест в жизни каждого человека. Данное обстоятельство объясняет необходимость в надлежащем уровне защиты такой категории благ. Более того, в связи с посягательствами на принадлежащие гражданину нематериальные блага возникают различного вида правоотношения, в частности по охране и защите нематериальных благ, которые должны быть в необходимой степени регламентированы нормами различных отраслей права, в том числе нормами гражданского законодательства.

Следует обратить особое внимание на необходимость отразить в определении нематериальных благ и аксиологические аспекты. Ценность имущественных благ не нуждается в разъяснении, поскольку их значение понятно по их занимаемому месту в правовых нормах. Нематериальным благам уделена только одна статья гражданского кодекса, но это не означает, что такие блага имеют меньшее значение. Роль и ценность нематериальных благ – это аксиома, следовательно, само по себе отсутствует правовая необходимость в доказывании их места в жизни.

По мнению В.А. Груба, «неотъемлемым элементом современного гражданского оборота является широкое использование в различных сферах и целях имен, изображений, образа жизни, особенностей речи, манеры поведения, мимики, а также любой информации о частной жизни российских и зарубежных звезд спорта и шоу-бизнеса, политических и общественных деятелей, в том числе в рекламе каких-либо товаров или услуг. Вознаграждения за такое использование достигают колоссальных размеров» [2. С. 73].

Категория «нематериальные блага» подлежит расширительному толкованию. Список нематериальных благ лишен такой черты, как исчерпанность. Иными словами, множество нематериальных благ не ограничивается лишь теми благами, которые приведены в тексте ст. 150 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)¹. Причина, по которой данные категории не закреплены, заключается в том, что особенности юридической техники требуют ограничивать в целях удобства применения объем нормативно-правового акта.

Необходимо также принимать во внимание невозможность однозначного понимания сущности нематериальных благ, в связи с чем в науке предлагаются различные подходы к пониманию нематериальных благ и их содержания. Тем не менее закон диалектики применим и к пониманию внутренней природы нематериальных благ.

В цивилистической науке существуют различные позиции, согласно которым, термин «моральный вред» целесообразно заменить более подходящей категорией. Например, С.М. Воробьевым высказывается даже такая идея термина, как «моральный дискриминационный вред» [1. С. 28]. Полагаем, такая позиция может быть основана на предположении того, что данный вид вреда представляет собой «дискомфортное состояние потерпевшего», обусловленное совокупностью неблагоприятных психофизических последствий для человека, вызванных причинением ему нравственных или физических страданий в результате совершения в отношении такого лица неправомерных действий. Вследствие такого раскрытия понятия нематериальные ценности имеют аксиологическое значение. Более того, охрана нематериальных благ имеет не меньшее значение, чем обеспечение имущественных интересов. Неосязаемость и неизмеримость рассматриваемых благ не является обстоятельством,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Фед. закон РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2018. № 1 (ч. I). Ст. 43.

служащим основанием для уменьшения их значимости в правоотношениях. Наличие закрепления в законодательстве категории нематериальные блага необходимо для их эффективной охраны и практического правоприменения.

Правовая система России имеет достаточно эффективные средства защиты отдельных видов нематериальных благ, однако единственным, допустимым к применению на сегодняшний день, универсальным способом защиты всех нематериальных благ является компенсация морального вреда. Так или иначе, становится очевидной взаимосвязь категории «моральный вред» с нематериальными благами.

Следует отметить, что под моральным вредом рационально понимать именно вред в отношении нематериальных благ. Для отечественной правовой системы очень важно развивать гражданско-правовой институт компенсации морального вреда, основной целью которого являются охрана и защита нематериальных благ. Однако отсутствие законодательного закрепления дефиниции нематериальных благ является огромной проблемой того, чтобы наиболее эффективно развивать способы защиты нематериальных благ.

Здесь мы приведём однозначную позицию А.Р. Гусаловой, которая настаивает на том, что «в силу специфики нематериальных благ как объектов гражданских прав, не все из названных в ст. 12 ГК РФ общих способов подлежат применению судом при их защите в случае нарушения» [3. С. 216]. Конкретизируя мнение исследователя, укажем, что однозначной является и диспозиция ст. 151 ГК РФ, которая, в свою очередь, устанавливает основной способ защиты принадлежащих гражданину нематериальных благ, – компенсацию морального вреда. При всем этом компенсация морального вреда является одним из способов защиты гражданских прав, закрепленных в ст. 12 ГК РФ.

Применение судами норм законодательства о компенсации морального вреда является очень неоднозначным с точки зрения судебной практики. Кроме того, в самом законодательстве на теоретическом уровне могут возникнуть вопросы и противоречия. Например, тесная связь и противоречие параграфа 2 гл. 59 ГК РФ и параграфа 4 гл. 59 ГК РФ. Вопрос заключается в том, что один из параграфов посвящен возмещению вреда жизни и здоровью, а другой – компенсации морального вреда, в то время как жизнь и здоровье являются нематериальными благами, а способом защиты нематериальных благ является компенсация морального вреда. По какой причине вред, причиненный жизни и здоровью, согласно закону, можно возместить, а моральный вред – компенсировать?

При нарушении рассматриваемого права и обращении лица в суд может быть назначена компенсация морального вреда только в денежной форме. Охрана достоинства личности человека связана с множеством психологических факторов, относящихся, в частности, к чести личности. Рассмотрение судебной практики свидетельствует о том, что при возникновении и рассмотрении дел данной категории почти всегда решение суда первой инстанции не является окончательным, могут последовать апелляция, кассация и надзор в качестве пересмотра судебного решения.

Нематериальные блага являются самостоятельным объектом гражданских правоотношений. Но как определить и выявить сущность такой категории, как нематериальные блага или личные неимущественные права, принадлежащие каждому человеку? В научной доктрине есть мнение, относительно того, что «в Гражданском кодексе РФ на данный момент все еще прослеживается смешение понятий “нематериальные блага” и “личные неимущественные права”» [5. С. 374].

Все же, по нашему мнению, для установления сущности данных благ необходимо обратиться непосредственно к перечню нематериальных благ и дать дефиницию каждому нематериальному благу. Права человека и гражданина на жизнь закреплено в ст. 20 Конституции Российской Федерации¹. Тем не менее непосредственно в тексте Конституции не приводится дефиниция категории «жизнь», что порождает необходимость установить, в чем заключается значение данного понятия. Безусловно, жизнь следует считать наиважнейшим нематериальным благом, а право на жизнь является правом бесспорным, оно не может быть ограничено или умалено и данное утверждение демонстрирует наличие проблемы применения ч. 2 ст. 20 Конституции РФ.

Существуют и иные варианты замены категории «моральный вред». Равнозначными по своему смысловому значению являются термины «психический вред» или «психологическая травма».

Действительно, в рассматриваемом случае категории «моральный», «психический» и «психологический» можно отождествить. Все три термина в равной степени отражают содержание феномена, который в отечественном законодательстве именуется моральным вредом. Именно данное обстоятельство позволяет объяснить наличие в нормативно-правовых актах зарубежных стран, в особенности тех, которые принадлежат англо-саксонской правовой семье, терминов, отражающих сущность морального вреда через психологические травмы и психические расстройства. В целях раскрытия содержания морального вреда имеет смысл обратиться к способам защиты личных неимущественных прав, к данным способам законодатель традиционно относит как досудебную, так и судебную защиту.

Несмотря на то, что теоретически соглашением сторон может быть предусмотрена возможность возмещения вреда, носящего нематериальный характер, однако на практике наибольшее применение находит именно способ, связанный с обращением в суд с иском заявлением.

Нематериальные блага могут быть защищены от посягательств путем взыскания компенсации морального вреда. Вопрос об эффективности данного способа защиты нематериальных благ является спорным, поскольку возникает проблема определения денежного эквивалента тем категориям, которые

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru>

составляют множество нематериальных благ. Более того, важным следует считать также вопрос об экономической оценке соответствующих личных неимущественных прав.

Право человека на жизнь не может быть оценено никакими материальными средствами. Это, по нашему мнению, аксиома. Верность данного высказывания очевидна, подобный тезис не нуждается в доказывании. Честь и достоинство являются тесно взаимосвязанными категориями. Честь выражает внешнее отношение к человеку, а достоинство – внутреннее отношение человека к самому себе.

Глава 8 ГК РФ¹ содержит в себе основополагающие положения, которые устанавливают правила защиты нематериальных благ в гражданском праве. Во второй части ГК РФ ее положения дополняются параграфом 4 гл. 59. Значение ст. 150 ГК РФ нельзя оспаривать, поскольку в ней приводится перечень нематериальных благ, хотя не дается какой-либо дефиниции нематериального блага.

Следует обратить внимание на то, что статья о компенсации морального вреда является императивной. Тем не менее практика применения данной статьи носит крайне противоречивый характер. Само наличие в кодексе статьи 152 вызывает ряд вопросов. Мы согласны с тем, что защита чести, достоинства и деловой репутации занимает важное место в сфере защиты нематериальных благ. Так в чем состоит причина особого выделения защиты данных благ из множества других?

Как считает Л.А. Пчелкина, формулировка «моральный» не совсем соответствует сущности тех переживаний, которые испытывает человек, поэтому в литературе она составляет предмет дискуссий [6. С. 262].

На наш взгляд, ст. 152 ГК РФ должна носить название «Защита деловой репутации», поскольку именно деловая репутация, в отличие от других нематериальных благ, может принадлежать и юридическому лицу. Нововведенные ст. 152.1 и 152.2 ГК РФ связаны с широким использованием сети «Интернет». Защита изображения гражданина на фотографии и защита частной жизни имеют большое значение в современном обществе.

Под неприкосновенностью целесообразно понимать охраняемость и защищенность со стороны государства от внешнего вмешательства. Случаи, в которых государственные органы и их должностные лица вправе нарушить право человека на неприкосновенность, четко определены законом. Допустимость ограничения права на неприкосновенность отсылает нас к ч. 3 ст. 55 Конституции РФ².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Фед. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.07.2021 г.).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ).

Необходимо рассмотреть каждый из видов неприкосновенности в отдельности. Личная неприкосновенность, под которой обычно понимается физическая неприкосновенность человека, подразумевает защиту человека от внешнего физического воздействия, если на это нет согласия самого лица. Право каждого на личную неприкосновенность разумно считать третьим по важности правом человека. Право на личную неприкосновенность – свобода от наложения ограничений личной свободы гражданина.

На практике личная неприкосновенность защищается более тщательно, чем жизнь или честь. При нарушении неприкосновенности личности лицо, совершившее правонарушение, подлежит привлечению к ответственности.

Личная неприкосновенность тесно связана с неприкосновенностью частной жизни. Частная (личная) жизнь является более широким понятием по сравнению с личностью. Следовательно, неприкосновенность частной жизни есть более обширная категория, чем личная неприкосновенность. Если личную неприкосновенность следует ассоциировать с физической свободой, то неприкосновенность частной жизни включает в себя психологическую свободу. При неприкосновенности частной жизни следует говорить о психолого-социальных факторах свободы личности.

Нельзя также упускать из внимания вопрос о соотношении принципов разумности и справедливости. Закон диалектики, т.е. закон единства и борьбы противоположностей, оказывает свое влияние на все феномены бытия, в том числе и на принципы определения размера компенсации морального вреда. Несмотря на то, что в большинстве случаев разумность и справедливость преследуют единую цель и совпадают друг с другом, возможны ситуации, когда они вступают в противоречие. Данное положение дел можно продемонстрировать на примере двух высказываний: «Справедливо, но неразумно. Разумно, но несправедливо»

По причине наличия подобных парадоксов становится очевидной невозможность законодательного закрепления шкалы для оценки морального вреда. Если допустить верность одной из разработанных на сегодняшний день шкал для оценки размера компенсации морального вреда, то обязательно обнаружатся случаи, когда назначение некоторой суммы является справедливым, но не разумным. Хотя, чаще всего верным является утверждение о том, что то или иное положение является и разумным, и справедливым. Именно факт возможности наличия противоречий между разумностью и справедливостью является основанием для выделения системы критериев для оценки морального вреда.

Особенности личности гражданина, правосознания и его уровня у субъекта составляют наиважнейшую составляющую часть института компенсации морального вреда. Разумеется, предусмотреть такие личностные факторы на законодательном уровне невозможно. Иными словами, законодатель косвенно предусматривает использование несуществующего коэффициента для определения размера денежной компенсации потерпевшему за причиненный моральный вред.

Неприкосновенность частной жизни – такое нематериальное благо, которое свойственно каждой личности, как и личная неприкосновенность. Частная жизнь сама по себе изначально предполагает некоторую область невмешательства третьих лиц. Неприкосновенность частной жизни включает в себя неприкосновенность и жилища. О неприкосновенности жилища сказано в ст. 25 Конституции РФ. Тайна частной жизни лица не может быть реализована без обеспечения неприкосновенности его жилища. Тем не менее ограничение права на неприкосновенность жилища на практике встречается чаще, чем ограничение права на неприкосновенность частной жизни. Ограничение права каждого на неприкосновенность жилища необходимо исключительно для обеспечения безопасности общества и государства. Мы полагаем, что неприкосновенность следует определить как охрану личности, его жизни и жилища от произвольного вмешательства третьих лиц. Следует указать на то, что неприкосновенность связана с такой категорией, как «персональные данные».

Соприкосновение персональных данных и неприкосновенности объясняется тем, что наличие персональных данных лица способно привести к нарушению его неприкосновенности.

Персональные данные представляют собой самостоятельный вид нематериальных благ, хотя в списке таких благ на данный момент они отсутствуют. Однако один из элементов, входящих в перечень персональных данных, в тексте ст. 150 ГК РФ все-таки присутствует – имя человека.

Список основных нематериальных благ также дополняется такой категорией, как деловая репутация (ст. 152 ГК РФ). Примечательно и то, что Гражданский кодекс Кыргызской Республики не содержит исчерпывающий перечень нематериальных благ, но в качестве объекта гражданских прав в п. 1 ст. 50 Гражданского кодекса Кыргызской Республики выделяется один из видов нематериальных благ – деловая репутация [4. С. 57]. Также в п. 1 ст. 18 Гражданского кодекса Кыргызской Республики¹ определено, что «гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, а юридическое лицо – сведений, порочащих его деловую репутацию».

Деловая репутация субъекта гражданско-правовых отношений реализуется, в основном, в коммерческой или предпринимательской сфере. Она состоит в высокой оценке деловых качеств субъекта предпринимательства со стороны других участников коммерческого оборота. Деловая репутация является своеобразной «предпринимательской честью» лица. Разумеется, деловая репутация представляет собой нематериальное благо, которое обладает комплексом специфических черт. Каждая из таких черт обуславливает те особенности, которые связаны с механизмом правовой защиты деловой репутации.

Положения ст. 152 ГК РФ² не предусматривают распространения института морального вреда и его компенсации на юридические лица. Но данные

¹ Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 1996. № 6. Ст. 81.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 1.07.2021 г.).

лица имеют право на возмещение репутационного вреда. Институт, предусматривающий присуждение денежной суммы за ущерб, причиненный деловой репутацией субъекта предпринимательской деятельности или организации, имеет сходство с институтом компенсации морального вреда, причиненного в связи с умалением чести и достоинства личности, за исключением состава субъектов, обладающих правом требовать такое возмещение.

Совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей защиту неимущественных прав юридических лиц, следует считать одной из целей, которую преследует развитие современного гражданского законодательства. Однако вопрос о нематериальной значимости такого блага, как деловая репутация, остается актуальным.

Возникает вопрос, касающийся разграничения категорий морального и материального вреда при рассмотрении дел о нарушении прав потребителей. В чем состоит принципиальная разница между моральным и материальным вредом применительно к защите прав потребителей? Разумеется, как моральный, так и материальный вред в рассматриваемом контексте должны быть причинены вследствие недостатка товара, работ или услуг. В таком случае, материальный ущерб ясным образом выражается в материальных затратах потребителя вследствие недостатка товара, работы или услуги. Однако в случае причинения морального вреда последствия причинения такого вреда имеют неблагоприятный неимущественный характер для потребителя.

Наиболее важно, по нашему мнению, при возникновении спора о причинении морального вреда потребителю доказать причинно-следственную связь между нарушением права потребителя и наступившими неблагоприятными последствиями.

Моральный вред также может быть причинен в связи с действиями судебных приставов. Рассматриваемое основание компенсации морального вреда логически связано с предыдущим. Действия судебных приставов должны быть направлены на принудительное исполнение судебных решений, однако принимаемые судебными приставами меры не должны посягать на нематериальные блага лиц.

Обратим внимание на то, что перечень оснований, имеющих место для возникновения как самого морального вреда, так и права на его компенсацию, не является исчерпывающим. Как правило, возникновение морального вреда связано, в большей степени, с правонарушениями в области отношений частноправового характера. Тем не менее экстраординарными являются применение института морального вреда и его компенсация в сфере избирательного права. Избирательное право относится традиционно к отраслям публично-правовым. Такое право дифференцируется на активное и пассивное. Именно нарушение пассивного избирательного права может трактоваться как причинение морального вреда. Однако рационально ли относить право быть избранным к числу личных неимущественных благ?

Поставленный вопрос является дискуссионным, и наиболее трудно в данной ситуации доказать причинение морального вреда, а также в полной мере обосновать законные требования. Общая проблема доказывания морального вреда по любому из оснований сводится к невозможности отыскать какое-либо

внешнее проявление физических и нравственных страданий. В большинстве случаев моральный вред носит подсознательный характер, иными словами, нельзя в принципе подтвердить факт наличия тех или иных психологических расстройств. Вечный вопрос о соотношении формы и содержания не утрачивает своей актуальности и в рассматриваемой проблеме.

Полагаем, отсутствие того или иного нематериального блага в тексте закона не является основанием для его умаления. Следовательно, термин «нематериальное благо» следует считать комплексным понятием, которое включает в себя неограниченный круг благ нематериального характера. В этой связи предлагается применение презумпции наличия у человека того нематериального блага, которое не указано в законе. Иными словами, доказуемо, что человек обладает множеством всех нематериальных благ и имеет личные неимущественные права относительно каждого элемента таких благ, пока не будет доказано отсутствие у него данного права.

Резюмируя изложенное, можно сделать однозначный вывод: в вопросе о том, какие именно критерии и категории присущи «нематериальному благу» или личным неимущественным правам, в научной доктрине не сложилось единого мнения. Положительным следует отметить, что сегодня создана надежная правовая основа для укрепления института компенсации морального вреда за вред, причиненный нематериальным благам личности.

Литература

1. Воробьев С.М. Моральный дискриминационный вред и его признаки // Гражданское право. 2012. № 6. С. 26–30.
2. Груба В.А. К вопросу об оборотоспособности нематериальных благ: современные тенденции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 5(60). С. 73–77.
3. Гусалова А.Р. Способы защиты нематериальных благ // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 21. С. 216–220.
4. Пак Н.О. Некоторые теоретические проблемы деловой репутации как нематериального блага в Кыргызской Республике // Вестник научных конференций. 2015. № 4-6(4). С. 57–61.
5. Полукарова С.А. Разграничение понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 1(1). С. 374–375.
6. Пчелкина Л.А. К вопросу о дефиниции понятия «моральный вред» и сущности компенсации морального вреда // Modern Science. 2019. № 12-3. С. 261–265.

АЛЕКСАНДРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nadyaalex@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-3010>).

Nadezda V. ALEKSANDROVA

THE CATEGORY OF "INTANGIBLE BENEFITS" AND SCIENTIFIC APPROACHES TO ITS LEGAL SUBSTANCE

Key words: *intangible benefits, moral harm, personal non-property rights, regulatory legal act, harm caused to life and health, the Civil Code of the Russian Federation.*

The article examines the existing scientific approaches to the category of "intangible benefits", at the same time it compares the content of this concept with the term "personal non-property rights".

The relevance of the theme is beyond doubt, since intangible benefits are protected from encroachments specifically by recovery of compensation for moral injury. This institution provides for the possibility of compensation for non-material damage, in practice, the most widely used method is the one that involves action demand with a statement of claim. Consequently, there is an obvious need to study the issues of legal protection and protection of intangible benefits from the point of view of the analysis of judicial and law enforcement practice.

The purpose of the study is to analyze the definition of "intangible benefits" formalized in civil legislation and to identify the non-mandatory beginnings of its practical application in civil circulation.

The methodological basis was the comparative law, formal legal, logical, dialectical and other methods of scientific research.

Attention is drawn to certain elements of intangible benefits – personal inviolability, personal privacy and inviolability of the home, personal data, business reputation, etc.

Much attention is paid to disclosing the scientific and legal concept of intangible goods, as a result of which the author comes to the conclusion that it is impossible to unambiguously understand the substance of intangible goods, in connection with which various approaches are proposed to understanding and disclosing the content of the desired category of "intangible goods" in the Russian civil law. Improving the regulatory framework which regulates the protection of non-property rights of legal entities should be considered one of the goals in the development of modern civil legislation.

References

1. Vorob'ev S.M. *Moral'nyi diskriminatsionnyi vred i ego priznaki* [Moral discriminatory harm and its]. *Grazhdanskoe parvo*, 2012, no. 6, pp. 26–30.
2. Gruba V.A. *K voprosu ob oborotosposobnosti nematerial'nykh blag: sovremennye tendentsii* [On the issue of the turnover of intangible goods: current trends]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2015, no. 5(60), pp. 73–77.
3. Gusalova A.R. *Sposoby zashchity nematerial'nykh blag* [Ways to protect intangible assets], *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya: problemy i rezul'taty*, 2015, no. 21, pp. 216–220.
4. Pak N.O. *Nekotorye teoreticheskie problemy delovoi reputatsii kak nematerial'nogo blaga v Kyrgyzskoi Respublike* [Some theoretical problems of business reputation as an intangible good in the Kyrgyz Republic]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*, 2015, no. 4-6(4), pp. 57–61.
5. Polukarova S.A. *Razgranichenie ponyatii "nematerial'nye blaga" i "lichnye neimushchestvennye prava"* [Differentiation of the concepts of "intangible benefits" and "personal non-property rights"]. *Innovatsionnye tekhnologii v nauke i obrazovanii*, 2015, no. 1(1), pp. 374–375.
6. Pchelkina L.A. *K voprosu o definitsii ponyatiya "moral'nyi vred" i sushchnosti kompensatsii moral'nogo vreda* [To the question of the definition of the concept of "moral harm" and the essence of compensation for moral harm]. *Modern Science*, 2019. no. 12-3. pp. 261–265.

NADEZDA V. ALEKSANDROVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Civil and Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nadyaalex@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-3010>).

Формат цитирования: Александрова Н.В. Категория «нематериальные блага» и научные подходы к ее правовому содержанию [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 36–45. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/5>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-36-45.

Д.В. ЗМИЕВСКИЙ

**ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ
В СИСТЕМЕ ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ключевые слова: Конституционный суд Российской Федерации, право законодательной инициативы, Конституция, законодательный процесс, конституционная реформа, законотворческая инициатива, конституционализм.

Рассмотрено закреплённое в Конституции Российской Федерации право законодательной инициативы Конституционного суда Российской Федерации в свете внесённых в Основной закон нашего государства в 2020 г. поправок, а также последующего обновления специального федерального конституционного законодательства. Отмечается, что проблема отсутствия практики реализации Конституционным судом Российской Федерации упомянутого полномочия не является новой для российской правовой науки, в целом закономерна и обусловлена рядом объективных факторов. Вместе с тем процесс актуализации и развития конституционных положений о высшем органе судебного контроля России и, в частности, создание системы предварительного судебного конституционного контроля выводят рассматриваемую проблему на качественно новый уровень.

Сам подход в части наделения упомянутым правом высших судов в Российской Федерации охарактеризован как нетипичный для стран дальнего и ближнего зарубежья. Вместе с тем отсутствие в настоящее время практики реализации Конституционным судом рассматриваемого полномочия обусловлена особой ролью последнего в системе высших органов государственной власти, в частности судебной. Высказана точка зрения о том, что проблема не может быть однозначна решена на современном этапе развития государственности. Автором не разделяется все чаще высказываемая сегодня точка зрения о том, что право законодательной инициативы необходимо исключить из полномочий Конституционного суда Российской Федерации, поскольку это приведет к нарушению равенства конституционно-правовых статусов двух самостоятельных высших органов судебной власти.

Кроме того, выявлены недостатки формулировок отдельных конституционных положений и предложены возможные способы их устранения.

Одним из наиболее важных событий общественно-политической и государственной правовой жизни российского общества последних лет стало принятие в 2020 г. поправок к Основному закону Российской Федерации, призванных не только актуализировать действующую Конституцию страны, но и модернизировать фундамент правовой системы современной России с целью создания прочной основы для дальнейших демократических преобразований и укрепления правовой государственности. Значительное место в вопросах конституционного реформирования было уделено совершенствованию организации и деятельности как публичной власти в целом, так и отдельных высших государственных органов.

В результате правовой модернизации существенные изменения претерпел конституционно-правовой статус одного из высших судебных органов нашей страны – Конституционного суда Российской Федерации. Изменения коснулись

не только численного состава упомянутого органа высшей судебной власти, но и его структуры, отдельных полномочий и порядка их реализации при осуществлении конституционного контроля. К наиболее значимым изменениям в литературе справедливо относят учреждение института предварительного Конституционного судебного контроля [2. С. 103]. Следует отметить, что внесенные конституционные поправки в последующем вызвали также необходимость актуализации специального федерального конституционного закона, регламентирующего деятельность высшего органа Конституционного судебного контроля – Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации»¹ (далее – Специальный закон), что и было сделано первоначально уже в ноябре 2020 г., а затем и в июле 2021 г. Таким образом, следствием внесения конституционных поправок стало укрепление правового статуса Конституционного суда Российской Федерации как важнейшего субъекта механизма правовой охраны Основного закона нашей страны и укрепления законности на всей ее юрисдикционной территории.

Несмотря на то, что конституционно-правовой статус рассматриваемого высшего органа государственной власти не просто был актуализирован, но и получил существенное развитие, проблемные вопросы реализации его отдельных полномочий в ходе конституционного реформирования затронуты не были. Сказанное относится, в первую очередь, к праву законодательной инициативы Конституционного суда Российской Федерации, которое на протяжении последних двух с половиной десятилетий является объектом непрекращающихся научных дискуссий в доктрине конституционного права.

Не останавливаясь подробно на понятии и содержании самого права законодательной инициативы, поскольку указанный вопрос достаточно хорошо разработан в современной правовой науке, отметим, что наделение высших судебных органов таким правом было свойственно еще советскому периоду развития нашей государственности, о чем свидетельствуют положения ст. 114 Конституции СССР 1977 года². Обратим внимание, что основополагающему советскому закону было свойственно наделение правом законодательной инициативы широкого круга субъектов, например Академии наук СССР, а также иных общественных организаций.

По всей видимости, подобный подход в части наделения упомянутым правом высших судов разделялся и авторами проекта современной Конституции России 1993 года³, что характеризует его определенное своеобразие. Так,

¹ О Конституционном суде Российской Федерации: Фед. конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ [Электронные ресурсы] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. [Электронные ресурсы]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm>.

³ Российская Федерация. Конституция (1993). Экземпляр Конституции Российской Федерации Центральной избирательной комиссии, принятой всенародным голосованием с дарственной надписью Президенту Российской Федерации: 20 декабря 1993 г. 1993. Л. 1–57 [Электронный документ] // Архив Президента Российской Федерации. Ф. 92. Оп. 4. Д. 471. URL: <https://www.prlib.ru/item/391335>.

если обратиться к зарубежному опыту конституционно-правовой регламентации права законодательной инициативы, нетрудно заметить, что подавляющее большинство правопорядков не признают за органами судебной власти подобного права. При этом в литературе отмечается, что «судебная законодательная инициатива существует в некоторых странах. Ею наделяются высшие судебные органы, как правило, верховные суды (Парагвай, Эквадор, Бразилия, Венесуэла, Боливия, Никарагуа, Гондурас)» [4. С. 8]. Примечательно, что право внесения в законодательный орган законопроектов не свойственно и органам судебной власти постсоветских государств [8].

Наделение Конституционного суда Российской Федерации полномочием по инициированию законодательного процесса уже с момента его закрепления в ст. 104 Основного закона России вызывало бурную дискуссию как в правовой теории, так и на практике. В частности, М.А. Митюков отмечает, что «со стороны представителей Верховного суда РФ не раз раздавалась критика того, что КС не использует предоставленное ему право законодательной инициативы в целях исполнения своих же решений» [6, 7]. Позиция представителей подобного подхода вполне понятна: если Конституционный суд признает ту или иную правовую норму вступающей в противоречие с Основным законом страны, то именно на него должна быть возложена инициатива законодательных изменений. Вместе с тем подобный подход не сочетается с положениями ст. 80 Специального закона, в которой четко регламентируется порядок действий публичных органов власти и их должностных лиц в ситуации вынесения положительного решения Конституционным судом Российской Федерации на предмет несоответствия нормативного правового акта (полностью или в части) Основному закону страны. Другими словами, инициирование законодательных изменений в этом случае – это обязанность иных высших органов государственной власти Российской Федерации.

Действительно, современный Конституционный суд, образованный на основе Специального закона 1994 года, не реализовывал рассматриваемое право ни разу. При анализе причин подобного положения дел современные исследователи чаще всего отмечают, что реализация со стороны Конституционного суда этого правомочия вступает в противоречие с базовыми принципами отправления правосудия. Действительно, правовой принцип «никто не может быть судьей в собственном деле» (*nemo iudex in propria causa*) восходит еще к римскому праву и не ставится под сомнение в настоящее время.

Таким образом, если Конституционный суд выступит инициатором того или иного законопроекта, то в конечном итоге уже принятый закон может стать предметом его последующего рассмотрения. Иными словами, Конституционный суд окажется в ситуации, когда будет вынужден выносить решение о соответствии Основному закону страны закона, инициатором принятия которого он выступал, т.е. вступит в противоречие с названным принципом *nemo iudex in propria causa*. Большинство исследователей видят в этом неразрешимую проблему, которая и препятствует результативной деятельности Конституционного суда России в этом направлении. Один из известнейших конституционалистов

современности С.А. Авакьян также разделяет подобную позицию, актуализируя при этом еще одну проблему, касающуюся того, что «Конституционному суду как высшему блюстителю конституционной законности стоило бы как можно реже ставить себя под огонь парламентских баталий и не позволять подрывать свой авторитет непринятием предложенного им закона» [1. С. 286]. Следует согласиться с приведенной позицией профессора С.А. Авакьяна хотя бы потому, что в противном случае – принятие парламентом законопроекта как результата воздействия авторитета Конституционного суда, инициировавшего его, может привести к формированию особого привилегированного законодательства, что также недопустимо.

В свете изложенного заслуживающей внимания и вызывающей научный интерес видится позиция отдельных ученых по рассматриваемой проблеме. Так, например, А.О. Казанцев указывает, что «реализация права законодательной инициативы Конституционным судом РФ вовсе не гарантирует принятие закона с первоначальным текстуальным содержанием законопроекта» [5. С. 30]. Ученый обращает особое внимание также и на тот факт, что зачастую на практике Конституционный суд выявляет не столько несоответствие Конституции текста самого закона или иного, подлежащего проверке нормативного правового акта, а сколько несоответствие Основному закону страны конституционно-правового смысла, придаваемого ему правоприменительной практикой. Не оспаривая принципиальную правильность такой позиции и уж тем более ее право на существование, позволим себе заметить, что она была высказана задолго до внесения в 2020 г. поправок в Основной закон¹. Как уже упоминалось, часть из названных поправок была направлена на формирование принципиального нового для российской правовой системы механизма предварительного Конституционного судебного контроля, заключающегося в праве президента России как гаранта Конституции адресовать запросы в Конституционный суд на предмет проверки соответствия Основному закону не только уже принятых нормативных правовых актов, но и их проектов. Следовательно, в случае если законопроект был инициирован самим Конституционным судом, названное право президента становится труднореализуемым.

Обращается в науке внимание и на еще одну проблему – определение предметов ведения Конституционного суда в вопросах правовой реализации законодательной инициативы. Действительно, сохранившаяся в действующей редакции ст. 104 Конституции Российской Федерации формулировка о том, что высшие судебные органы наделены правом законодательной инициативы исключительно «по вопросам их ведения», не способствует правильному пониманию рассматриваемого полномочия. В статье Е.С. Ганичевой, очевидно подготовленной еще до упразднения Высшего арбитражного суда Российской Федерации, справедливо указывается, что «специфическое положение судов в системе органов государственной власти обуславливает тот сравнительно

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

узкий сегмент, в пределах которого данные органы реализуют свое право законодательной инициативы» [3. С. 36]. И если в отношении Верховного суда Российской Федерации, выступавшего с законодательной инициативой более ста раз, такие пределы могут быть определены эмпирически (вопросы организации и отправления правосудия), то отсутствие аналогичной практики у Конституционного суда Российской Федерации лишает исследователей даже этой возможности. В этом плане следует еще раз согласиться с профессором С.А. Авакьяном, утверждающим, что «любой вопрос жизни страны в той или иной форме может стать вопросом ведения соответствующего суда» [1. С. 285].

Отметим также тот факт, что исключение из п. 6 ст. 3 Специального закона упоминания о праве законодательной инициативы Конституционного суда с последующим включением такого права в качестве самостоятельного абзаца той же статьи, очевидно, связано с приведением его текста в полное соответствие с текстом Конституции Российской Федерации, ст. 125 которой не содержит прямого упоминания о праве законодательной инициативы высшего органа Конституционного судебного контроля. Вместе с тем полагаем не вполне удачной формулировку ч. 8 ст. 125 Конституции Российской Федерации о том, что «Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет иные полномочия, установленные федеральным конституционным законом». Позволим себе заметить, что право законодательной инициативы рассматриваемого нами высшего органа судебной власти предусмотрено не только Специальным законом, но и, в первую очередь, статьей 104 Конституции России, что не нашло отражения в ч. 8 ст. 125 Конституции. С этой точки зрения более правильной представляется формулировка пункта «ж» ч. 1 ст. 114 Конституции России, имеющая место относительно непоименованного в указанной статье права законодательной инициативы Правительства Российской Федерации о том, что иные полномочия могут быть предусмотрены Конституцией, а затем уже иными правовыми актами.

Изложенное позволяет нам констатировать, что конституционные поправки, имевшие место в 2020 г., оставили открытыми вопросы реализации Конституционным судом Российской Федерации своего права законодательной инициативы. Однако явилось ли это следствием упущения со стороны авторов поправок или же это был сознательный шаг, направленный на сохранение существующего положения вещей? Думается, что второе. По нашему мнению, проблема не может быть однозначна решена на современном этапе развития государственности. В любом случае нами не разделяется высказываемая сегодня точка зрения о том, что право законодательной инициативы необходимо исключить из полномочий Конституционного суда Российской Федерации, поскольку подобное при сохранении такого права за Верховным судом Российской Федерации приведет к нарушению равенства конституционно-правовых статусов двух самостоятельных высших органов судебной власти. Лишение же на современном этапе такого права и Верховного суда Российской Федерации с учетом наличия достаточно обширной практики его реализации последним также недопустимо.

Литература

1. Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России. М.: Рос. юрид. изд. дом, 1999. 432 с.
2. Вязовская Т.Н., Евсеева Л.А., Змиевский Д.В., Галиева Г.В. Предварительный конституционный судебный контроль в Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 3(41). С. 103–107.
3. Ганичева Е.С. Пределы осуществления права законодательной инициативы высшими органами судебной власти // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 131–139.
4. Законодательный процесс в зарубежных странах / Ю.И. Лейбо [и др.]; под ред. Ю.И. Лейбо. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. конст. права. М.: МГИМО-Университет, 2012. 172 с.
5. Казанцев А.О. Право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ (в контексте принципа "никто не может быть судьей в собственном деле") // Lex russica. 2017. № 2. С. 26–31.
6. Митюков М.А. Конституционное правосудие на втором этапе развития (к историографии вопроса с позиции конституционалиста) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 49–62.
7. Митюков М.А. Конституционное правосудие на втором этапе развития (к историографии вопроса с позиции конституционалиста). Часть 2 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 48–60.
8. Филиппов Н.К. Организация судебной власти в странах СНГ и Балтии: сравнительно-правовой аспект // Российское правосудие. 2010. № 11(55). С. 103–106.

ЗМИЕВСКИЙ ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой адвокатуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zmievsky@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-6477>).

Dmitrii V. ZMIEVSKII

**THE RIGHT OF LEGISLATIVE INITIATIVE
IN THE SYSTEM OF POWERS OF THE RUSSIAN FEDERATION
CONSTITUTIONAL COURT**

Key words: *the Constitutional Court of the Russian Federation, the right of legislative initiative, the Constitution, legislative process, constitutional reform, legislative initiative, constitutionalism.*

The article considers the right of legislative initiative of the Constitutional Court of the Russian Federation enshrined in the Constitution of the Russian Federation in the light of amendments made to the Fundamental Law of our state in 2020, as well as subsequent updating of special federal constitutional legislation. It is noted that the problem of practice deficiency in implementing the mentioned power by the Constitutional Court of the Russian Federation is not new for the Russian legal science; in general, it is naturally determined and is due to a number of objective factors. However, the process of updating and developing the constitutional provisions on the supreme judicial control body of Russia and, in particular, creating the system of preliminary judicial constitutional control, bring the problem under consideration to a qualitatively new level.

The approach itself in terms of granting the mentioned power to supreme courts in the Russian Federation is characterized as atypical for the countries near and far abroad. At the same time, the current lack of practice in exercising the power in question by the Constitutional Court is due to the special role of the latter in the system of supreme state authorities, in particular, the judiciary. The point of view is expressed that the problem cannot be unambiguously solved at the present stage of the statehood development. The author does not share

the increasingly expressed point of view today that the right of legislative initiative should be excluded from the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, since this will lead to a violation of the equality of the constitutional and legal statuses of the two independent supreme judicial authorities.

In addition, the shortcomings in the wording of certain constitutional provisions have been identified and possible ways to eliminate them have been proposed.

References

1. Avak'yan S.A. *Federal'noe Sobranie – parlament Rossii* [Federal Assembly – the Parliament of Russia]. Moscow, Rossiiskii yuridicheskii izdatel'skii dom Publ., 1999, 432 p.
2. Vyazovskaya T.N., Evseeva L.A., Zmievskaia D.V., Galieva G.V. *Predvaritel'nyi konstitutsionnyi sudebnyi kontrol' v Rossiiskoi Federatsii* [Preliminary Constitutional Judicial Control in the Russian Federation]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii*, 2020, no. 3 (41), pp. 103–107.
3. Ganicheva E.S. *Predely osushchestvleniya prava zakonodatel'noi initsiativy vysshimi organami sudebnoi vlasti* [Limits of the exercise of the right of legislative initiative by the highest judicial authorities]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2014, no. 11, pp. 131–139.
4. Leibo Yu.I., ed., Leibo Yu.I. et al. *Zakonodatel'nyi protsess v zarubezhnykh stranakh* [Legislative process in foreign countries]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2012, 172 p.
5. Kazantsev A.O. *Pravo zakonodatel'noi initsiativy Konstitutsionnogo Suda RF (v kontekste printsipa "nikto ne mozhет byt' sud'ei v sobstvennom dele")* [The right of legislative initiative of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the context of the principle "no one can be a judge in his own case")]. *Lex russica*, 2017, no. 2, pp. 26–31.
6. Mityukov M.A. *Konstitutsionnoe pravosudie na vtorom etape razvitiya (k istoriografii voprosa s pozitsii konstitutsionalista)* [Constitutional justice at the second stage of development (to the historiography of the issue from the position of a constitutionalist)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo*, 2020, no. 2, pp. 49–62.
7. Mityukov M.A. *Konstitutsionnoe pravosudie na vtorom etape razvitiya (k istoriografii voprosa s pozitsii konstitutsionalista). Chast' 2* [Constitutional justice at the second stage of development (to the historiography of the issue from the position of a constitutionalist). Part 2] [Constitutional and municipal law]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe parvo*, 2021, no. 6, pp. 48–60.
8. Filippov N.K. *Organizatsiya sudebnoi vlasti v stranakh SNG i Baltii: sravnitel'no-pravovoi aspekt* [Organization of judicial power in the CIS and Baltic countries: comparative legal aspect]. *Rossiiskoe pravosudie*, 2010, no. 11(55), pp. 103–106.

DMITRII V. ZMIEVSKII – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Advocacy Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (zmievsky@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9644-6477>).

Формат цитирования: *Змиевский Д.В.* Право законодательной инициативы в системе полномочий Конституционного суда Российской Федерации [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 46–52. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-46-52.

УДК 349.2
ББК 67.405.1-3

О.А. ИВАНОВА

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Ключевые слова: дисциплина труда в кредитной организации, локальное нормативное регулирование, стандартизация процессов, привлечение к дисциплинарной ответственности, диспозитивное регулирование трудовых отношений.

Актуальность темы исследования обусловлена сложившимися особенностями реализации института дисциплинарной ответственности в сфере трудовых отношений в кредитных организациях. Дисциплина труда в кредитных организациях развивается в русле тенденций, характерных для современной организации производства. Генеральной линией является стандартизация производственного процесса до той степени, в которой появляются самодостаточные – не требующие ручного управления – организационные формы, следование которым представляется самодисциплине работника (стандартные или матричные организационные решения). На фоне происходящих изменений поднимается проблема относительной свободы работника и его ответственности перед работодателем, который уже не контролирует трудовой процесс точно – в духе индустриальной эпохи. Несмотря на очевидность особенностей организации труда работников кредитных организаций, специального исследования, посвященного проблемам реализации дисциплинарной ответственности, в отечественной юридической науке не проводилось.

Делаются выводы о необходимости принятия Трудового процессуального кодекса, в котором будут выделены: порядок привлечения к ответственности за проступок, совершенный в условиях текущего контроля работодателя за качеством выполнения работы и за соблюдением процесса ее выполнения, а также особенности привлечения к ответственности за проступок, совершенный в условиях относительной свободы (без текущего контроля работодателя); формы вины как обязательного признака дисциплинарного проступка и особенности её определения в случае, если задание работодателя предполагает самостоятельный выбор способа его исполнения (относительную свободу работника); принципы доказывания вины и невиновности при разбирательстве обстоятельств дисциплинарного проступка; стандартизация дисциплинарных решений, условия и пределы её использования; порядок использования электронного документооборота в дисциплинарном производстве; правила опроса третьих лиц в дисциплинарном производстве, правила доступа этих лиц к информации о состоянии дел в организации (или у предпринимателя, если работодателем является он); правила охраны информации о дисциплинарных проступках, их обстоятельствах, примененных мерах взыскания.

Современные кредитные организации функционируют в условиях возрастающей конкуренции с некредитными организациями, услуги которых замещают банковские, и операторами систем электронных платежей. Эффективность банковской деятельности поставлена в ощутимую зависимость от интенсивности и гибкости контактов со стороной спроса, полноты её охвата и от предвосхищения её ожиданий. Индустриальный образ банка как «мраморного дворца», который ждёт своего потребителя, отошёл в прошлое. В условиях острой конкуренции с операторами систем электронных платежей, предлагающими альтернативные банковским средства финансирования и расчетов,

кредитные организации берут на вооружение приемы, благодаря которым конкуренты появились на рынке и обрели успех, – легкость организационной структуры (нестационарные рабочие места, структура без руководителей и затрат на их содержание), относительная свобода работников (работа в режиме свободного инициативного поиска) и стандартизация процессов, которая является своего рода возмещением недостатка в руководителях (стандартные или матричные решения, подходящие для определенных ситуаций).

Вместе с тем с учетом высоких требований к управлению рисками банков ни одна кредитная организация не может поступиться дисциплиной труда. Основными проблемами труда в современной кредитной организации являются относительная свобода её работников, которые нередко не имеют даже стационарного рабочего места (его заменяет переносное средство ИВТ, оснащенное модулем контроля за перемещениями в течение рабочего дня), и консервативные принципы контроля за соблюдением трудового распорядка и привлечения к дисциплинарной ответственности (стремлением работодателя контролировать трудовой процесс и управлять его рисками).

Наиболее остро проблема проявляется в субъективном вменении проступка [3]. В рамках консервативных подходов к дисциплинарной ответственности бремя доказывания обстоятельств, характеризующих вину работника, возлагается на работодателя. Работодатель должен установить отступление работника от последовательности операций, слагающихся в трудовую функцию. Но что если функция, исполняемая в условиях относительной свободы, упрощается до двух элементов – задания и результата (продажи определенного продукта)? Ответственность за недостижение результата, зависящего в том числе и от поведения потребителей, их выбора, тесно приближается к объективному вменению, с точки зрения трудового права совершенно недопустимому [5]. Проблемы субъективного вменения являются для дисциплинарных практик кредитных организаций наиболее ощутимыми.

Важным фактором эффективности правовых норм, регулирующих дисциплину труда и ответственность за ее исполнение, является умелое и квалифицированное применение норм трудового права о дисциплинарной ответственности (как общей, так и специальной). Практика убеждает, что при осмотрительном – соответствующим современности – осуществлении прав работодателя дисциплинарное воздействие на отдельных работников корректирует поведение трудового коллектива в целом. Тем самым развивается самодисциплина работников – ключевой фактор современной организации труда и одновременно мощный фактор конкурентного преимущества на рынке.

Поэтому привлечение работника к дисциплинарной ответственности должно осуществляться работодателем в строгом соответствии с общими правилами дисциплинарного производства. Отступление от него – прямой путь к торжеству пренебрежительного отношения к трудовому распорядку и демонстрации бессилия дисциплинарных требований, опровергаемых судом.

Типичные случаи, в которых консервативные подходы к дисциплинарной ответственности приносят успех (за счет того, что работодателю удается

«обойти» проблему субъективного вменения), могут быть сгруппированы следующим образом:

– факт сбора (накопления) работником доверенной ему конфиденциальной информации, в том числе информации, охраняемой режимом банковской тайны. В практических ситуациях работодатель с помощью доступных ему средств контроля за использованием работниками средств ИВТ устанавливает факт копирования конфиденциальной информации на внешний электронный носитель. Мотивы этого поступка, как правило, остаются без выяснения (возможно, работник произвел копирование для выполнения заданий работодателя; возможно, впрочем, и то, что копирование произведено для продажи информации третьим лицам, – установить подлинные причины происходящего и произвести точное субъективное вменение невозможно). Проблема субъективного вменения проступка обходится путем упрощения квалификации действий работника, которому вменяется только лишь нарушение локального запрета на использование личных средств ИВТ в работе с информацией. Обстоятельства обработки конфиденциальной информации, отношение работника к этому действию и его последствиям не выясняются (Определение Московского городского суда от 26 декабря 2011 г. по делу № 33-41356);

– самовольная передача инкассаторским работником вверенных ему ключей и кассет неустановленному лицу. Как и в предыдущем случае установить подлинные причины проступка (с какой целью работник сделал это) и произвести точное субъективное вменение невозможно. Примеры, относящиеся к труду инкассаторов, вообще одни из самых иллюстративных для проблемы относительной свободы работников. При движении по своему маршруту инкассатор, в сущности, предоставлен только себе. Работодатель контролирует только отклонения от маршрута и тайминг перемещения от одного пункта к другому, а также реагирует на сигналы тревоги. Трудности субъективного вменения преодолены путем упрощения квалификации действий работника, которому вменяется только лишь нарушение запрета на оставление ключей и кассет без присмотра. Обстоятельства передачи кассет инкассатором неустановленному лицу, а также отношение работника к этому действию и его последствиям не выясняются (Определение Московского городского суда от 16 сентября 2010 г. по делу № 33-29204);

– оставление помещения кассы без согласования с руководителем при наличии незавершенной валютно-обменной операции. Пример аналогичен вышеизложенному. Работнику вменено нарушение формального порядка работы в помещении без выяснения мотивов поведения работника (Определение Московского городского суда от 18 апреля 2012 г. № 33-10491/2012);

– разглашение индивидуального пароля и логина, что позволило другому работнику войти в автоматизированную систему под именем пользователя и произвести от его имени денежную операцию. Пример повторяет череду вышеперечисленных. Совершая проступок, работник мог преследовать куда более общественно опасную цель, нежели при обычной компрометации пароля, которая была ему вменена (Определение Московского областного суда от 27 октября 2011 г. по делу № 33-22201);

– несоответствие подписей клиентов банка на универсальных договорах банковского обслуживания. Как и в предыдущих ситуациях причины подписания договоров неустановленными третьими лицами остались за рамками вменения, – работодатель не смог продвинуться дальше противоречия требованию следить за процессом подписания договоров (Определение Московского городского суда от 10 марта 2011 г. по делу № 33-4151/2011);

– допуск в кассовые кабины в рабочее время под различными предложениями посторонних лиц (кассовые и операционные работники, работники службы автоматизации, инкассаторы и др.), что увеличивает риск утраты банковских ценностей. Передоверие совершать кассовые операции другому работнику, чем нарушен регламент банка. Сообщение своего персонального пароля к программно-техническим средствам работникам дополнительного офиса банка, что давало возможность другим работникам проводить под именем работницы незаконные операции. Передоверие функций по загрузке кассет банкомата кассиру по обслуживанию юридических лиц и контролирующему работнику (Определение Московского областного суда от 2 декабря 2010 г. по делу № 33-21408);

и, наконец, вот это:

– отсутствие контроля по выдаче потребительских кредитов, что привело к возникновению просрочек по ним (Определение Московского областного суда от 14 апреля 2011 г. по делу № 33-8678).

В последнем случае затронут самый дискуссионный вопрос – допустима ли ответственность работника за результат действий, совершенных в условиях, внешне неотличимых от условий делового риска, в которых действуют коммерсанты? При выдаче кредитов работник неосмотрительно положился на платежеспособность заёмщиков, совершил рискованную сделку, что привело к возникновению просроченной задолженности перед банком и денежным отчислениям банка на формирование резерва по просроченным ссудам (т.е. к убыткам). Обоснованно ли был принят риск? Дисциплинарной практике банков приходится отвечать на такие и подобные им вопросы.

Рассматривая проблемы трудово-правовой ответственности за деятельность в условиях делового риска, мы не можем обойти вниманием современные методы оценки результатов этой деятельности в кредитной организации и последствия отклонений от удовлетворительных показателей оценки.

При принятии управленческих и кадровых решений работодатель, как правило, ориентируется на эффективность деятельности организации в целом либо структурного подразделения, группы работников или каждого работника в отдельности.

Одним из инструментов, с помощью которого устанавливается эффективность работника, является количественное измерение коэффициентов деятельности – KPI.

KPI (Key Performance Indicators) – ключевые показатели результативности или эффективности (в отечественном обиходе – КПЭ). Ключевые показатели эффективности представляют собой систему оценки, основанную на количественных показателях, позволяющих определить достижение стратегических и тактических (операционных) целей.

Примерами КРІ работников кредитных организаций являются: уровень операционного дохода на определенную отчетную дату (рассчитанный из суммы выручки, полученной при совершении банковских операций), уровень чистого комиссионного дохода (рассчитанный из сумм непроцентного вознаграждения, полученного при оказании банковских услуг), величина резерва на возможные потери по ссудам, величина просроченной ссудной задолженности.

В дисциплинарной практике кредитных организаций все чаще предпринимаются попытки привлечения к ответственности за невыполнение работниками плановых заданий (т.е. определенных показателей КРІ). Проблема субъективного вменения проявляется в том, что работодатель ограничен в возможностях контролировать труд работника, функция которого заключается в свободном поиске подходящего бизнес-решения. Единственное, что может обнаружить работодатель, – это достижение определенного показателя (например, уровня прибыли). При попытке вменения проступка, выражающегося в невыполнении планового задания, работник, как правило, ссылается на воздействие внешних факторов (например, падение спроса и финансовых возможностей спроса), что слагает с него ответственность. Вместе с тем, с точки зрения работодателя, на внешние факторы может быть «списано» любое упущение работника, – мириться с этим недопустимо, должно быть какое-то решение.

Близкая по причинам возникновения проблема затрудняла до определенного времени привлечение работника к материальной ответственности за недостачу вверенного ему имущества. Так же, как и при исполнении трудовой функции в условиях относительной свободы, процесс владения вверенным имуществом работодатель не контролирует. С учетом существа отношений, возникающих в связи с доверием работнику определенного имущества, в практике применения трудового законодательства выработан принцип распределения бремени доказывания обстоятельств, положенных в основание ответственности между работодателем и работником. Работодатель доказывает обоснованность установления режима полной материальной ответственности, работник – невиновность в убыли вверенного ему имущества.

В дисциплинарной практике вышеописанный подход не используется. Вместе с тем не вызывает сомнений сходство, сближающее положение работника по отношению к имуществу работодателя и положение работника по отношению к заданию работодателя, которое выполняется без текущего контроля (под личную ответственность).

Исходя из содержания ст. 193 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ)¹ и законодательно установленных правил о внутреннем распорядке, дисциплине труда процедура применения к работнику кредитной организации дисциплинарного взыскания должна, по нашему мнению, включать следующие стадии:

– во-первых, обнаружение объективных признаков проступка (например, отклонение показателей работы от плановых) и доклад лицу, уполномоченному принимать решение о привлечении к дисциплинарной ответственности;

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.

– во-вторых, возбуждение дела о дисциплинарном проступке, которое фиксируется в резолюции либо в распоряжении о создании временной рабочей группы (комиссии) по разбирательству обстоятельств проступка:

– в-третьих, разбирательство обстоятельств проступка. Работодатель не контролировал процесс исполнения трудовой функции вследствие того, что стандартизировал этот процесс и полагался на его соблюдение. Выясняются прохождения работником всех этапов операционной (процедурной) схемы соответствующего процесса и полученный результат. Работник не обязан доказывать соблюдение операционной схемы, но обязан показать, где или на каком этапе прохождения он встретил противодействие внешнего фактора, который привел к безрезультатности работы;

– в-четвертых, вынесение работодателем (его представителем) решения о необходимости привлечения работника к дисциплинарной ответственности и выбор применяемой меры ответственности;

– в-пятых, предварительное согласование избранной работодателем меры ответственности с профессиональным объединением работников;

– в-шестых, издание приказа (распоряжения) и привлечение работника к дисциплинарной ответственности.

Прекращение дисциплинарного производства в связи с окончанием срока действия дисциплинарного взыскания или досрочным его снятием (ст. 194 ТК РФ) следует также отнести к процедуре дисциплинарной практики.

Дисциплинарное производство начинается с возбуждения работодателем дела и выявления им обстоятельств и причин, служащих основанием для постановки вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности и выбора приемлемой меры ответственности.

В трудовом законодательстве и иных актах, содержащих нормы трудового права, способ возбуждения дисциплинарного производства не уточняется. На практике возбуждение такого производства чаще всего заключается во вменении дисциплинарного проступка с одновременным затребованием от работника письменного объяснения (ч. 1 ст. 193 ТК РФ), в опросе работодателем свидетелей (очевидцев) или в ознакомлении с предложением привлечь работника к дисциплинарной ответственности и с сопроводительными материалами о дисциплинарном проступке, полученными от лица, не имеющего права на применение мер дисциплинарной ответственности за данный дисциплинарный проступок.

Соблюдение данного порядка не вызовет затруднений в случае, если работник имеет стационарное рабочее место, может быть опрошен непосредственно на нем. В этом случае работник дает письменное, собственноручно исполненное объяснение по существу вменения. Однако ситуация усложняется, если работник исполняет свои обязанности за пределами расположения работодателя. В этом случае поднимается проблема объяснений, переданных с использованием телекоммуникационных средств. По нашему мнению, в этом случае может быть применена аналогия гражданского права, устанавливающего требования к письменной форме документа (сделки). В связи с этим

при передаче объяснения с использованием телекоммуникационных средств могут быть применены средства аутентификации пользователя и его электронная цифровая подпись.

Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не представлено, работодатель фиксирует уклонение работника от объяснений.

Отказ работника дать указанное объяснение в письменной форме не является препятствием для применения дисциплинарного взыскания.

На следующей стадии дисциплинарного производства в отношении нарушителя дисциплины труда избирается мера дисциплинарного взыскания, о чем издается соответствующий приказ (распоряжение). За каждое нарушение дисциплины труда, как уже отмечалось, может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание. Нельзя, например, за один и тот же проступок объявить работнику выговор и уволить его с работы. Вместе с тем допускается одновременное привлечение работника к дисциплинарной и материальной ответственности за ущерб, причиненный работодателю.

Трудовое законодательство требует от работодателя до применения дисциплинарного взыскания всесторонне и объективно разобраться в причинах и мотивах допущенного работником дисциплинарного проступка. Поэтому расследование работодателем (его представителем) проступка часто заключается в затребовании от свидетелей (очевидцев) доказательств и ознакомлении с такими доказательствами и материалами.

Работодатель обязан выявить все обстоятельства, имеющие значение для постановки вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности и выбора применяемой меры ответственности. К числу таких обстоятельств согласно действующему законодательству относятся: степень вины; тяжесть совершенного проступка; вред, причиненный данным проступком; обстоятельства, при которых проступок совершен; мотивы проступка; предшествующая работа лица, совершившего проступок. Изложенные выше обстоятельства часто достаточно конкретно изложены в приказах о наложении дисциплинарных взысканий, принятых работодателями.

Учет тяжести вины предполагает выполнение напряженной интеллектуальной деятельности по оценке поступков работника. Для облегчения этой работы в кредитных организациях практикуется создание так называемых «матриц ответственности», в которых описываются типичные виды проступков, даются характеристики их тяжести и рекомендации по мерам дисциплинарных взысканий. «Матрицы ответственности» являются примером стандартного решения, относящегося к работе с персоналом.

На практике при определении меры дисциплинарной ответственности учитываются и многие другие обстоятельства, например: тяжелое влияние ряда семейных обстоятельств на психику работника; чистосердечное раскаяние и заверение впредь не повторять подобного правонарушения; сделанные работником правильные выводы о проступке и положительная оценка его трудовой деятельности в последующий период; проявление высокомерия и пренебрежение интересами коллектива; отрицательное влияние поведения работника на взаимоотношения членов коллектива работников организации (структурного

подразделения) и т.п. По нашему мнению, принятие во внимание при наказании этих данных, характеризующих личность работника, свидетельствует о положительной индивидуализации применения мер дисциплинарной ответственности в организациях.

В контексте изложенного выше мы предлагаем включить в правила внутреннего трудового распорядка или коллективный договор данной организации обязанность руководителя организации выявлять не только мотивы и причины совершенного дисциплинарного проступка, но и все обстоятельства, имеющие значение для постановки вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности и выборе применяемой меры ответственности. В перечне таких обстоятельств было бы целесообразно указать, что работодатель (его представитель) помимо предшествующей работы должен выяснить и другие обстоятельства, характеризующие личность работника. Стандартные подходы к ответственности формализовать в локальном документе – «Матрице ответственности» кредитной организации-работодателя.

Дисциплинарное взыскание применяется непосредственно после обнаружения дисциплинарного проступка, но не позднее одного месяца со дня обнаружения ущерба, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, а также времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников. Днем обнаружения дисциплинарного проступка считается день, когда должностному лицу, которому подчинен работник, стало известно о проступке, независимо от того, наделено ли это лицо правом наложения взысканий или нет. Доведение сведений о совершенном дисциплинарном проступке до лица, пользующегося правом приема и увольнения работников, является обязанностью непосредственного руководителя работника. Невыполнение данной обязанности в течение одного месяца лишает работодателя права применить к работнику дисциплинарное взыскание.

К отпуску, прерывающему течение месячного срока, следует относить все отпуска, предоставляемые работодателем в соответствии с действующим законодательством, в том числе ежегодные (основные и дополнительные), отпуска в связи с обучением в учебных заведениях, отпуска без сохранения заработной платы.

Отсутствие на работе по другим причинам не прерывает течения указанного срока. На практике время прогула, когда работник мог не знать о наложении взыскания, обычно не включается в данный месячный срок, и он начинает исчисляться с момента выхода работника на работу. Это правило применяется и к так называемым ддящимся правонарушениям, когда противоправное действие (бездействие) продолжается, несмотря на применение взыскания.

Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка. Этот срок исчисляется не со дня обнаружения, а именно со дня совершения дисциплинарного проступка. Причины его истечения не могут служить основанием для восстановления права на применение дисциплинарного взыскания.

В ст. 193 ТК РФ предусмотрено исключение из указанных правил, которое позволяет применить дисциплинарное взыскание не позднее двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка по результатам ревизии или аудиторской проверки. При этом также действует месячный срок наложения дисциплинарного взыскания, исчисляемый со дня обнаружения дисциплинарного проступка. В данном случае днем обнаружения следует считать день ознакомления работника с актом ревизии, документами проверки финансово-хозяйственной деятельности, аудиторской проверки, в которых указано на совершение дисциплинарного проступка.

При исполнении трудовой функции в условиях относительной свободы аудиторская или иная внутренняя проверка являются основными средствами обнаружения проступка.

Во избежание индивидуально-трудовых разногласий о соблюдении работодателем срока привлечения работника кредитной организации к дисциплинарной ответственности в соглашения с работниками и в локальные нормативные акты предлагается включить разделы о способах и о периодичности контроля за качеством работы. В случае, если по организационным причинам работодатель не может осуществлять текущий (непрерывный контроль за качеством выполняемой работы), в соглашение с работником должна быть включена оговорка о том, что текущий контроль заменяется периодическим.

В указанные сроки (6 месяцев и 2 года) не включается время производства по уголовному делу (ч. 4 ст. 193 ТК РФ).

Говоря о дисциплинарном производстве в трудовых правоотношениях как процедуре применения мер дисциплинарной ответственности, нельзя упустить из виду, что одной из актуальных проблем кодификации российского трудового права в последние годы остается вопрос о принятии Трудового процессуального кодекса Российской Федерации. О необходимости принятия подобного акта много говорят в науке трудового права [4].

Сторонники принятия Трудового процессуального кодекса предлагают включить в этот кодекс нормы, регулирующие правоприменительную деятельность работодателей, самозащиту трудовых прав работников, деятельность по надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства, обобщение правоприменительной практики [1, 2].

Находя данное предложение целесообразным, считаем необходимым включение в Трудовой процессуальный кодекс правовых норм, определяющих:

– порядок привлечения к ответственности за проступок, совершенный в условиях текущего контроля работодателя за качеством выполнения работы и за соблюдением процесса ее выполнения, а также особенности привлечения к ответственности за проступок, совершенный в условиях относительной свободы (без текущего контроля работодателя);

– формы вины как обязательного признака дисциплинарного проступка и особенности её определения в случае, если задание работодателя предполагает самостоятельный выбор способа его исполнения (относительную свободу работника). Определение вины в последнем случае предлагается выстроить

по аналогии с гражданско-правовым (с использованием категорий «Осмотрительность» и «Забота при ведении дел»);

– принципы доказывания вины и невиновности при разбирательстве обстоятельств дисциплинарного проступка;

– стандартизацию дисциплинарных решений, условия и пределы её использования;

– порядок использования электронного документооборота в дисциплинарном производстве;

– правила опроса третьих лиц в дисциплинарном производстве, правила доступа этих лиц к информации о состоянии дел в организации (или у предпринимателя, если работодателем является он);

– правила охраны информации о дисциплинарных проступках, их обстоятельствах, примененных мерах взыскания.

Литература

1. Долгова А.И. Необходимость введения специализированных трудовых судов в России: за и против // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 4. С. 96–102.

2. Костян И.А., Пискарев И.К., Шеломов Б.А. О специализированных судах по трудовым делам и Трудовом процессуальном кодексе // Хозяйство и право. 2003. № 8. С. 27–40.

3. Ларькова О.А. Актуальные вопросы совершенствования законодательства, содержащего положения о специальной дисциплинарной ответственности // Роль современного образования в условиях глобализации: сб. науч. тр. Казань: СитИнвент, 2020. С. 88–92.

4. Миронов В.И. Источники трудового права Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 348 с.

5. Суд: за невыполнение плана продаж работника уволить нельзя (подготовлено для Системы ГАРАНТ, 2020). URL: <http://www.garant.ru/news/1377352>.

ИВАНОВА ОЛЬГА АНДРЕЕВНА – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (public_law@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2296-6514>).

Olga A. IVANOVA

DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF CREDIT INSTITUTIONS EMPLOYEES

Key words: labor discipline in a credit institution, local legal regulation, standardization of processes, bringing to disciplinary responsibility, subjective imputation of misconduct, non-mandatory regulation of labor relations.

The urgency of the research is due to existing features of implementing the institute of disciplinary responsibility in the field of labor and legal relations in credit institutions. The discipline of labor in credit institutions is developing in line with the trends characteristic of modern manufacturing process management. The general line is standardization of the manufacturing process to the extent that self-sufficient organizational forms that do not require manual control appear, following which is provided to the self-discipline of the employee (standard or matrix organizational solutions). Against the background of the ongoing changes, the issue of the employee's relative freedom and his responsibility to the employer, who no longer controls the labor process point-by-point – in the spirit of the industrial era, is raised. Despite the obvious features of labour organization for credit institutions employees, no special research has been conducted in the domestic legal science on the problems of implementing disciplinary responsibility.

The author makes conclusions on the need to adopt a Labor Procedural Code, which will single out: the procedure for bringing to responsibility for misconduct committed under the conditions of the employer's current control over the quality of work and compliance with the process of its execution, as well as the specifics of bringing to responsibility for offense committed in conditions of relative freedom (without the employer's current control); forms of guilt as a mandatory sign of a disciplinary offense and the specifics of its definition if the employer's task involves an independent choice of its execution method (relative freedom of the employee); principles of proving guilt and innocence in examining the circumstances of a disciplinary offense; standardization disciplinary decisions, conditions and limits of its use; the procedure for using electronic document management in disciplinary proceedings; rules for interviewing third parties in disciplinary proceedings, rules for these persons' access to information about the state of affairs in the institution (or the entrepreneur, if he is the employer); rules for the protecting the information about disciplinary offenses, their circumstances, penalties applied.

References

1. Dolgova A.I. *Neobkhodimost' vvedeniya spetsializirovannykh trudovykh sudov v Ros-sii: za i protiv*[The need to introduce specialized labor courts in Russia: pros and cons]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2012, vol. 154, book 4, pp. 96–102.
2. Kostyan I.A., Piskarev I.K., Shelomov B.A. *O spetsializirovannykh sudakh po trudo-vym delam i Trudovom protsessual'nom kodekse*[About specialized labor courts and the Labor Procedural Code]. *Khozyaistvo i pravo*, 2003, no. 8, pp. 27–40.
3. Lar'kova O.A. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva, soderzhashchego polozeniya o spetsial'noi distsiplinarnoi otvetstvennosti*[Topical issues of improving legislation containing provisions on special disciplinary responsibility]. In: *Rol' sovremennogo obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: sb. nauch. tr.* [The role of modern education in the context of globalization: collection of scientific works]. Kazan, SiTInvenT Publ., 2020, pp. 88–92.
4. Mironov V.I. *Istochniki trudovogo prava Rossiiskoi Federatsii: teoriya i praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk*[Sources of labor law of the Russian Federation: theory and practice: Doct. Diss.]. Moscow, 1998, 348 p.
5. *Sud: za nevypolnenie plana prodazh rabotnika uvolit' nel'zya (podgotovleno dlya Sistemy GARANT, 2020)*[Court: an employee cannot be fired for non-fulfillment of the sales plan (prepared for the GARANT System, 2020)]. Available at: <http://www.garant.ru/news/1377352> (Accessed Date 2021, Nov. 4).

OLGA A. IVANOVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Public Law Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (public_law@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2296-6514>).

Формат цитирования: Иванова О.А. Дисциплинарная ответственность работников кредитных организаций [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 53–63. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/7>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-53-63.

ОБЩИЕ НАЧАЛА И ПРИНЦИПЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМ

Ключевые слова: несовершеннолетние, назначение наказания, общие начала, принципы, уголовное законодательство, правонарушитель.

В статье рассматриваются общие начала и принципы, применяемые при назначении наказаний несовершеннолетним лицам, совершившим преступления. Несовершеннолетние преступники являются социальной базой организованной преступности. Подростковая преступность причиняет вред личностному развитию самого несовершеннолетнего преступника, способствуя тем самым продолжению криминальной деятельности несовершеннолетнего. Результаты исследований подтверждают, что значительное число опасных преступников начало свою преступную деятельность в несовершеннолетнем возрасте. Очень важным является исправление несовершеннолетних правонарушителей, т.е. формирование у них устойчивых навыков честного отношения к труду, точного исполнения законов и уважительного отношения к ним.

Доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, от общего количества преступлений составляет в среднем 10–12%, и это лишь зарегистрированные официальные данные, а значит, реальная статистика может быть в 1,5-2 раза выше. Вышеизложенное указывает на проблему противоправного поведения несовершеннолетних и необходимость поиска эффективных способов назначения наказания несовершеннолетним правонарушителям.

Введение. Актуальность данного исследования объясняется тем, что имеющиеся в обществе неблагоприятные тенденции, ведущие к ухудшению экономических условий жизни основной массы населения страны, в том числе и несовершеннолетних, приводят к росту психоэмоциональных перегрузок и усилению кризиса в семейных отношениях, что способствует возрождению детской безнадзорности как социального явления, росту преступного поведения несовершеннолетних.

Цель исследования заключается в формулировании предложений по совершенствованию принципов назначения уголовных наказаний несовершеннолетним правонарушителям.

При проведении исследования использовались следующие методы: юридический, уголовно-статический, социологический, системный, сравнительно-правовой (компаративистский), историко-сравнительный. Также использовался юридический метод, включающий юридико-техническую методику и методы толкования закона.

В теории уголовного права уголовно-правовые аспекты преступного поведения несовершеннолетних нашли отражение в большом количестве теоретических трудов отечественных ученых. В своих работах внимание данному

вопросу уделяли такие авторы, как Е.Н. Волкова, А.Я. Гришко, А.И. Долгова, М.Ф. Костюк, В.В. Лунеев, И.Г. Малкина-Пых, А.А. Никитина, Н.Н. Николаева, Ю.Е. Пудовочкин, А.И. Савельев, В.С. Савельева, З.Р. Ханова, А.В. Штефан и др. Вместе с тем новизна исследования подтверждается в настоящее время влиянием на криминогенную ситуацию не только экономических факторов, но и продолжающегося в этой связи идейно-нравственного кризиса. В молодежной, в том числе и подростковой, среде культивируются негативные стереотипы поведения, получают все большее распространение алкоголизм и наркомания, укореняется эгоистическая и иждивенческая психология. Вышеизложенное подтверждает специфику преступного поведения, изменение структуры преступности несовершеннолетних.

Пандемия COVID-19 и реакция общества на нее негативным образом сказались на всех аспектах нашей жизни. Около 1,5 миллиарда детей были лишены возможности посещать школу.

В ежегодном Докладе о положении дел в мире в области профилактики насилия в отношении детей 2020 г. отмечается, что ограничения на передвижение, потеря дохода, изоляция и перенаселенность вызывают повышенный уровень стресса и тревоги у родителей, ухаживающих за детьми, а также отрывают семьи и отдельных людей от их привычных источников поддержки [2].

В уголовном законодательстве в отношении несовершеннолетних существуют особенности: из тринадцати видов наказаний несовершеннолетним назначаются только шесть: штраф, лишение права заниматься определённой деятельностью, обязательные и исправительные работы, ограничение свободы и лишение свободы на определённый срок.

Статья 49 Конституции РФ регламентирует, что только суд имеет право признать человека виновным и назначить ему уголовное наказание¹. Признание факта виновности и определение вида и размера наказания закрепляются в решении суда. Суд руководствуется действующим уголовным законодательством.

Принципы права условно делятся на три группы: общеправовые, межотраслевые и отраслевые. К общеправовым принципам права относятся такие принципы: равенства граждан перед законом, гуманизма, вины, справедливости. Данные принципы выполняют основную роль в процессе назначения наказаний, законодатель закрепил их в ст. 4–7 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)².

Под принципом законности следует понимать, что наказание может быть назначено только при наличии деяний, указанных в действующем уголовном законе, процесс назначения наказания должен соответствовать нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства (ст. 3 УК РФ).

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 293-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, 17 июня. Ст. 2954.

Гуманизм, как общеправовой принцип, подразумевает, что наказание не должно преследовать унижение чести и достоинства человека, причинение физических, психологических страданий. Содержание ст. 7 УК РФ подразумевает достижение цели исправления только гуманными способами.

Соблюдая принцип справедливости при назначении наказания, судья в своей деятельности должен учитывать соразмерность опасности совершенного деяния и назначаемого наказания. Принцип равенства граждан перед судом и законом находит свое проявление через принцип справедливости. Согласно конституционному закреплению, независимо от пола, социального, материального, должностного положения, вероисповедания и иных факторов все граждане являются равными перед судом и действующим законодательством. Каждый из указанных принципов применяется судьей в процессе назначения вида и размера наказания, независимо от возраста виновного лица. Следовательно, все перечисленные начала распространяются как на несовершеннолетних, так и на совершеннолетних граждан [5. С. 104–108].

Несовершеннолетний возраст учитывается при реализации вышеназванных принципов. Специфика назначения и исполнения отдельных видов наказания в отношении несовершеннолетних имеет свои особенности.

По мнению А.И. Титовой, процесс назначения наказания регламентируется нормами как Общей, так и Особенной части УК РФ. Несовершеннолетним, совершившим преступления, может быть назначено наказание либо к ним могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия, а при освобождении от наказания судом они могут быть также помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 87 УК РФ) [6. С. 162–163].

Статья 43 УК РФ под целями наказания для несовершеннолетних подразумевает социально значимые позитивные результаты, к достижению которых стремится законодатель, устанавливая в законе определенные характер и меру государственного принуждения.

Возможность индивидуализации обуславливается и гарантируется набором альтернативных санкций и величиной диапазонов между минимумом и максимумом наказания [7. С. 125–126].

Рассматривая данный аспект, следует отметить, что законодатель при построении отдельных статей Особенной части УК РФ не учитывал возможность совершения деяния несовершеннолетним. В процессе назначения и исполнения наказания такая ситуация порождает некоторые проблемы. В качестве примера можно привести ч. 2 ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения». Санкция рассматриваемой нормы предусматривает следующие виды наказаний: ограничение свободы до 3 лет, арест от 3 до 6 месяцев, либо лишение свободы до 3 лет. Таким образом, в отношении несовершеннолетних отсутствует альтернатива ограничению свободы. Подобная ситуация складывается в процессе применения ч. 1 ст. 213 УК РФ, ч. 1 ст. 161 УК РФ и многих других норм.

При назначении наказания несовершеннолетним суд принимает во внимание характер, степень общественной опасности совершенного деяния, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. При выборе меры воздействия должностные лица исходят из возможности исправления несовершеннолетнего. Учет вышеуказанных обстоятельств позволяет назначить несовершеннолетним объективное и справедливое наказание. Справедливость наказания заключается в том, что оно должно отражать правосознание и мораль общества. Несовершеннолетним, совершившим преступления небольшой тяжести, назначаются более мягкие наказания. Особое значение в процессе назначения наказания отводится установлению возраста виновного лица.

Технико-юридическое обособление норм, посвященных ответственности и наказаниям несовершеннолетних, имеет под собой два основания. В первую очередь, это обусловлено социально-правовыми особенностями несовершеннолетних, характеризующихся ограниченной правоспособностью и дееспособностью [4. С. 102–105].

Таким образом, рассматривая принципы и начала назначения наказания, следует отметить, что судом принимаются во внимание обстоятельства, предусмотренные ст. 60 УК РФ. Кроме того, учитываются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его психического развития, например, повышенная возбудимость, неуравновешенность, впечатлительность, склонность к неадекватным реакциям на внешние раздражители, наличие психических аномалий, не исключающих вменяемости, иные особенности личности, например, связанные с половыми различиями, возрастными качествами несовершеннолетних. Юридическое значение перечисленных выше обстоятельств заключается главным образом в том, что они учитываются судом в качестве обстоятельств, смягчающих наказание. Вместе с тем их установление имеет значение и при решении вопросов о дифференциации наказания, выборе вида исправительного учреждения.

Рассматривая принципы и начала назначения наказаний несовершеннолетним, особое внимание следует уделить отдельным аспектам процесса, что позволяет отметить особенности порядка назначения наказания несовершеннолетним: возможность освобождения виновного от наказания, применив к нему меры воспитательного воздействия; необходимость учитывать больший объем обстоятельств и внешних факторов, связанных с личностью гражданина, социальным окружением и условиями проживания; усеченный круг видов наказаний, применяемых в отношении граждан, не достигших 18 лет; изменение условий условно-досрочного освобождения от наказания [3. С. 195–199].

В процессе выбора вида и размера наказания возникают некоторые сложности и ошибки, приводящие в конечном итоге к нарушению принципа гуманности. Так, нередко сложности возникают при определении рецидива преступления. В соответствии с п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ, судимость за преступления, совершенные лицом до 18 лет, не учитывается при установлении рецидива.

В качестве примера можно привести следующий пример из судебной практики. П., родившийся 30 мая 1986 г., был осужден 23 января 2006 г.

за преступление, предусмотренное пунктами «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Осужденному назначено условное лишение свободы 3 года с применением ст. 73 УК РФ. 27 ноября 2006 г. П. был осужден за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 162 УК РФ, назначено наказание в виде лишения свободы на 3 года 6 месяцев. Применяя ст. 70 УК РФ, судья приговорил П. к лишению свободы на 4 года. 27 июня 2015 г. П. осужден за причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни с применением предмета, используемого как оружие. Таким образом, лицо осуждено по пункту «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ с применением ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 2 ст. 68 УК РФ к 4 годам лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. При назначении наказания суд признал отягчающим обстоятельством рецидив преступлений, относящийся к особо опасному. П. подал апелляционную жалобу, указывая, что преступление, за которое он был осужден 23 января 2006 г., было совершено в 2003 г., когда осужденному было 16 лет. В связи с этим осужденный просил назначить ему местом отбывания наказания исправительную колонию особого режима. Рассматривая материалы дела, Судебная коллегия вынесла апелляционное определение, в котором указала на неправильное определение рецидива. Судимость по первому приговору от 23 января 2006 г. не должна приниматься во внимание при определении вида рецидива. Таким образом, рецидив признан опасным, осужденный переведен в колонию особого режима¹.

Выводы. Процесс назначения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних характеризуется рядом проблемных аспектов. Следует обращать внимание на правоприменительную практику, суды нередко допускают ошибки при назначении наказания. Нередко превышает максимально допустимый предел срока лишения свободы; назначаются те виды наказаний, которые не могут применяться в отношении несовершеннолетних; при определении рецидива учитываются те судимости, которые были установлены в отношении подростков в возрасте до 18 лет. Возникла необходимость совершенствования инфраструктуры и системы реализации наказаний, связанных с лишением свободы, оказывающих сильное психологическое влияние на подростка. При назначении наказания судам следует отходить от шаблонного варианта, нужно принимать во внимание особенности каждого уголовного дела, ориентируясь в большей степени на индивидуализацию наказаний.

Литература

1. *Бабаев М.М.* Индивидуализация наказания несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1968. 120 с.
2. Доклад о положении дел в мире в области профилактики насилия в отношении детей 2020 г.: резюме. Женева: ВОЗ, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332395/9789240007130-rus.pdf>.

¹Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-2009 от 18.11.2015 г. по делу № 22-2009 [Электронный ресурс] // Бюллетень Верховного Суда Республики Мордовия. № 30. 2016. С. 154 URL: <https://files.sudrf.ru/2656/user/bulleten/1-2016.pdf>.

3. Панус А.Д. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Актуальные проблемы современной науки. 2016. № 5. С. 195–199.
4. Прилепская М.Ю. Проблемы и перспективы уголовно-правовой категоризации с учетом личности несовершеннолетнего преступника // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 102–105.
5. Строганова О.Л. К вопросу о принципах назначения наказания // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2014. № 2. С. 104–108.
6. Титова А.И. Личность несовершеннолетнего преступника // Молодой ученый. 2018. № 38(224). С. 162–163.
7. Харетдинова Э.Р. Индивидуализация наказания как принцип уголовного права // Аграрное и земельное право. 2019. № 10(178). С. 125–126.

КУНЦ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности НИЦ-3, Научно-исследовательский институт ФСИН России, Россия, Москва (73kuntc@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>).

Elena V. KUNZ

GENERAL PRINCIPLES AND PRINCIPLES OF ASSIGNING CRIMINAL PENALTIES TO MINOR OFFENDERS

Key words: minors, sentencing, general principles, principles, criminal law, offender.

The article discusses the general principles and the principles applied when imposing punishments to minors who have committed crimes. Juvenile delinquents are the social base of organized crime. Juvenile delinquency harms the personal development of the minor offender himself, thereby contributing to continuing the minor's criminal activity. The research results confirm that a significant number of serious offenders began their criminal activities being minors. Correction of juvenile offenders is very important, that is, formation of stable skills of an honest attitude to work. Precise execution of laws and respect for them.

Crimes committed by minors, despite the degree of their study, the share of crimes committed by minors in the total number of crimes is on average 10–12% and these are only registered official data, which means that real statistics can be 1.5–2 times higher.

The above-stated points to the problem of illegal behavior of minors and the need to find effective ways to impose penalties to juvenile offenders.

References

1. Babaev M.M. *Individualizatsiya nakazaniya nesovershennoletnikh* [Individualization of punishment of minors]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1968, 120 p.
2. Global status report on preventing violence against children 2020: executive summary. Geneva: World Health Organization; 2020. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332395/9789240007130-rus.pdf>.
3. Panus A.D. *Osobennosti ugovolnoi otvetstvennosti nesovershennoletnikh* [Features of criminal liability of minors]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki*, 2016, no. 5, pp. 195–199.
4. Prilepskaya M.Yu. *Problemy i perspektivy ugovolno-pravovoi kategorizatsii s uchetom lichnosti nesovershennoletnego prestupnika* [Problems and prospects of criminal law categorization taking into account the identity of a juvenile offender]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2016, no. 8, pp. 102–105.
5. Stroganova O.L. *K voprosu o printsipakh naznacheniya nakazaniya* [On the principle of sentencing]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 104–108.

6. Titova A.I. *Lichnost' nesovershennoletnego prestupnika* [Identity of a juvenile offender]. *Molodoi uchenyi*, 2018, no. 38(224), pp. 162–163.

7. Kharetdinova E.R. *Individualizatsiya nakazaniya kak printsip ugovnogo prava* [Individualization of punishment as a principle of criminal law]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2019, no. 10(178), pp. 125–126.

ELENA V. KUNTS – Doctor of Law Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department for the Development of Methodologies for Execution of Sentences Associated with Deprivation of Liberty and the Study of Penitentiary Crime, Research Center of the Federal Penitentiary Service of Russia, Russia, Moscow (73kuntc@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8793-0574>).

Формат цитирования: *Кунц Е.В.* Общие начала и принципы назначения уголовных наказаний несовершеннолетним правонарушителям [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 64–70. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/8>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-64-70.

УДК 343.8
ББК 67.409

Т.Г. ПОНЯТОВСКАЯ

КТО ИСПОЛНЯЕТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ?

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительная инспекция, подразделения по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, принудительные меры воспитательного воздействия, исполнение наказаний.

Актуализируется проблема исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних в виде принудительных мер воспитательного воздействия. Пробелы в законодательном обеспечении порядка исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, с одной стороны, свидетельствуют об отсутствии правовой культуры, что подрывает уважение к закону, правосудию и власти. С другой стороны, человеку, подвергнутому принудительному воздействию, негде искать защиты, так как соблюдение его прав и законных интересов при применении принудительных мер воспитательного воздействия не может гарантировать и прокурорский надзор. В отечественном законодательстве не определены ни порядок исполнения мер принуждения, ни субъекты, ни их полномочия.

Исполнение принудительных мер воспитательного воздействия укладывается в несложную организационную схему:

- 1) установление контроля;
- 2) осуществление контроля;
- 3) реакция контролирующего органа на нарушение требований контроля.

В отношении применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия она не может быть реализована по причине нормативной недостаточности (правовой несостоятельности) их исполнения.

В нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) об освобождении от отбывания наказания используется шаблонный оборот: «Контроль за поведением осужденного осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом». Постановка осужденного на учет (его регистрация), наблюдение за ним, предупреждение осужденного о ненадлежащем исполнении обязанностей и представление в суд о злостном уклонении от отбывания меры – все это дела «специализированного государственного органа»¹.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (далее – УИК РФ), контроль за осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы, условно осужденными или осужденными с отсрочкой отбывания наказания осуществляет Уголовно-исполнительная инспекция. УИК РФ определяет полномочия и обязанности этого органа².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 293-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, 17 июня. Ст. 2954.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г. № 217-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2, 13 янв. № 2. Ст. 198.

Однако за этим шаблонным выражением ничего не стоит, когда законодатель определяет порядок УДО или принудительных мер воспитательного воздействия. На специализированный государственный орган указывается и в ст. 79 УК РФ (об условно-досрочном освобождении), но УИК РФ не содержит регламентов действий уголовно-исполнительных инспекций относительно условно-досрочно освобожденных лиц. Конечно, это пробел, но он может быть восполнен логическим путем: раз требования к условно-досрочно освобожденным совпадают с требованиями к условно осужденным, то и порядки контроля за их соблюдением должны совпадать. Следовательно, совпадают и органы их исполнения. В этом случае недостаточность нормативного регулирования вопроса исполнения условно-досрочного освобождения кое-как решается. Но, согласитесь, как-то «по-домашнему», кустарно – без надлежащего нормативного обеспечения.

В отношении исполнения принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ) и такое решение невозможно. Согласно ч. 4 ст. 90 УК РФ предусматривается положение, согласно которому в случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия по представлению специализированного государственного органа эта мера отменяется. Кто же этот таинственный субъект? Уголовно-исполнительная инспекция? Не может быть, поскольку речь идет о контроле за несовершеннолетними, освобожденными от ответственности или наказания (при котором, как известно, наказание даже не назначается – ст. 92 УК РФ). УИК РФ не содержит норм об исполнении в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного воздействия и не может содержать этих норм. Так что этот специализированный государственный орган, каким является уголовно-исполнительная инспекция, не может иметь отношения к принудительным мерам воспитательного воздействия.

Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъясняет: «Специализированным государственным органом, которому в соответствии со статьей 90 УК РФ может быть передан под надзор несовершеннолетний, а также органом, который вправе обращаться в суд с представлением об отмене принудительной меры воспитательного воздействия в случаях систематического ее неисполнения несовершеннолетним, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав» (п. 38)¹.

Решение простое и категоричное, весьма удобное в ситуации нормативной неразберихи, но оно не основано на законе. Первое сомнение – статус государственного органа. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав – коллегиальный орган системы профилактики при высшем исполнительном ор-

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016 г. № 56) // Рос. газета. 2011. № 29, 11 февр.

гане государственной власти или при органе местного самоуправления (Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»)¹. Члены Комиссии по делам несовершеннолетних (их состав нормативными актами не определяется) не являются государственными служащими, а действуют на общественных началах.

Второе сомнение – полномочия. Комиссии по делам несовершеннолетних применяют меры воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей в случаях и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации (ст. 11, п. 5). Эти меры законодатель ограничивает положениями, предусмотренными в ст. 23.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ): рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними, а также дела об административных правонарушениях родителей, предусмотренных ст. 5.35, 5.36, 6.10, 6.23, 20.22 КоАП РФ².

Основания для включения административных полномочий Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав включаются только в случае административных правонарушений, далеких от содержания и целей принудительных мер воспитательного воздействия – неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (ст. 5.35); нарушение порядка или сроков предоставления сведений о несовершеннолетних, нуждающихся в передаче на воспитание в семью либо в учреждения для детей-сирот или для детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 5.36); вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (ст. 6.10); вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции (ст. 6.23); нарушение правил производства, хранения, продажи и приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 20.23). В рамках этих полномочий комиссии по делам несовершеннолетних могут и штраф наложить на правонарушителя.

Статьей 28.3. КоАП РФ члены комиссий по делам несовершеннолетних отнесены к должностным лицам, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях исключительно в контексте реагирования на перечисленные выше административные правонарушения. Как

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Фед. закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г. № 147-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26, 28 июня. Ст. 3177.

² Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Фед. закон от 30.12.2001 г. № 196-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 286-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I), 7 янв. Ст. 1.

видим, по воле законодателя этому коллегиальному органу могут быть предоставлены государственные полномочия, но, к сожалению, эти полномочия заключены в узкие рамки шести видов административных правонарушений и не касаются вопросов исполнения принудительных мер воспитательного воздействия.

Полномочия Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в случае и порядке применения принудительных мер воспитательного воздействия законодательством РФ не определены. Следовательно, полномочия отсутствуют. В п. 6 Постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» (задачи Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав)¹ нет задачи исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, контроля соблюдения несовершеннолетними их требований.

Представляется, что и Пленум Верховного Суда РФ неправомочен просто «назначить» Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав специализированным государственным органом, осуществляющим контроль за исполнением принудительных мер воспитательного воздействия даже в отвлеченном гипотетическом плане, без согласования своего разъяснения с законодательством РФ.

Согласно Федеральному закону от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», в случаях, когда признано, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел проводят в отношении несовершеннолетних индивидуальную профилактическую работу (п. 1 ст. 21 и п. 7 ст. 5)².

Подразделение по делам несовершеннолетних, действительно, является специализированным государственным органом, в обязанности которого входит индивидуальная профилактическая работа с несовершеннолетними. Контроль за поведением несовершеннолетних, подвергнутых принудительным мерам воспитательного воздействия, можно было бы назвать индивидуальной и профилактической работой, если бы в его содержание (следовательно, и подразделений по делам несовершеннолетних) входило исполнение принудительного воздействия на несовершеннолетних по каждой из мер, предусмотренных ст. 91 УК РФ. Однако содержание этой работы по законодательному определению не связано с исполнением тех мер воспитательного воздействия, которые предусмотрены ст. 91 УК РФ.

¹ Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав: постановление Правительства РФ от 06.11.2013 г. № 995 (ред. от 10.02.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 45, 11 нояб. Ст. 5829.

² Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Фед. закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г. № 147-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26, 28 июня. Ст. 3177.

Согласно ст. 21 указанного выше ФЗ, осуществление контроля за поведением подвергнутых воспитательному принуждению не входит в содержание индивидуальной профилактической работы подразделений по делам несовершеннолетних. В соответствии с п. 7 этой статьи, подразделения по делам несовершеннолетних вносят в уголовно-исполнительные инспекции предложения о применении к несовершеннолетним, контроль за поведением которых осуществляют указанные учреждения, мер воздействия, предусмотренных законодательством Российской Федерации и (или) законодательством субъектов Российской Федерации. Понятно, что речь идет только о таких полномочиях уголовно-исполнительных инспекций, которые закреплены в УИК РФ и касаются несовершеннолетних, отбывающих лишение свободы в воспитательных колониях, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, условное осуждение и пр. Как уже отмечалось, в УИК РФ нет (и не может быть) норм о принудительных мерах воспитательного воздействия.

Подразделения по делам несовершеннолетних могут вносить свои предложения о применении тех или иных дисциплинарных мер в уголовно-исполнительные инспекции, но эти полномочия, как уже отмечалось, не могут иметь отношения к принудительным мерам воспитательного воздействия. Специализированный государственный орган по делам несовершеннолетних есть, а полномочий на исполнение принудительных мер воспитательного воздействия у него нет.

Пробелы в законодательном обеспечении порядка исполнения принудительных мер воспитательного воздействия, с одной стороны, свидетельствуют об отсутствии правовой культуры, что подрывает уважение к закону, правосудию и власти. С другой стороны, человеку, подвергнутому принудительному воздействию, негде искать защиты, так как соблюдение его прав и законных интересов при применении принудительных мер воспитательного воздействия не может гарантировать и прокурорский надзор. Как можно судить о законности в этом деле, если законодательством не определен ни порядок исполнения мер принуждения, ни субъекты, ни их полномочия? Пример беззакония не в переносном, а в прямом (исконном) смысле этого слова.

ПОНЯТОВСКАЯ ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, Москва (tagri8@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9070-6100>).

Tatiana G. PONYATOVSKAYA

WHO EXECUTES COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE?

Key words: penitentiary law, penal enforcement inspection, juvenile affairs units, the minors, compulsory measures of educational influence, sentence enforcement.

The problem of sentence enforcement against minors in the form of compulsory measures of educational influence is actualized. On the one hand, the gaps in the legislative provision on the procedure for the enforcement of compulsory measures of educational influence confirm the absence of a legal culture, which undermines respect for the law, justice and the authorities. On the other hand, a person subjected to compulsory influence has nowhere to seek protection, since observance of his rights and legitimate interests when applying compulsory measures of educational influence cannot be guaranteed even by the prosecutor's supervision. The domestic legislation defines neither the procedure to exercise compulsory measures, nor the subjects, nor their powers.

TATIANA G. PONYATOVSKAYA – Doctor of Law Sciences, Professor, Department of Criminal Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGU), Russia, Moscow (tagri8@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9070-6100>).

Формат цитирования: *Понятовская Т.Г.* Кто исполняет принудительные меры воспитательного воздействия? [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 71–76. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/9>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-71-76.

УДК 343.352

ББК 67.408

А.И. ПАРОВ

НОВЫЙ ВИД ПОДКУПА

Ключевые слова: уголовное право, преступление, коррупция, взятка, подкуп, государственные и муниципальные нужды, государственные закупки.

Актуализируется проблема субъекта пассивного подкупа в сфере государственных закупок. Обоснована актуальность вопросов, связанных с установлением уголовной ответственности в статье 200⁵ Уголовного кодекса Российской Федерации не за новый вид подкупа, а за специальный вид взяточничества, введение которого не имеет ни социальных, ни правовых оснований. При создании новой уголовно-правовой нормы отечественный законодатель не вполне учел ее бланкетный статус, поэтому характеристика субъектов пассивного подкупа не соответствует действующему законодательству. Таким образом, оцениваемая уголовно-правовая норма не может находиться в главе 22 Уголовного кодекса Российской Федерации, но и в главе 30 Уголовного кодекса Российской Федерации она тоже не нужна.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)¹ дополнен (в том числе) ст. 200⁵ о подкупе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд². По мысли авторов законопроекта, новелла должна повысить эффективность уголовного закона посредством привлечения к ответственности за подкуп тех представителей заказчика товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами [6].

Однако на практике ожидаемого результата достичь не удалось. По данным Агентства правовой информации, в 2018–2020 гг. за пассивный подкуп осуждены всего 3 человека, причем к условному лишению свободы. В чем же кроется причина фактического неприменения ст. 200⁵ УК?

Проект получил положительное заключение Правительства РФ и Верховного суда РФ. Но органы, которые должны обеспечивать практическую реализацию нового закона – Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ и Федеральная антимонопольная служба России, – своей поддержки проекту нового закона не выразили. Видимо, и по этой причине статус субъекта пассивного подкупа в ст. 200⁵ УК выглядит неопределенным.

Прежде всего, ссылаясь на то, что субъект этого преступления не является лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, является совершенно неуместной, поскольку заказчиком в закупках

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 293-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, 17 июня. Ст. 2954.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Фед. закон от 23.04.2018 г. № 99-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296450.

может быть только государство или муниципальное образование, от имени которых заключается контракт.

В комментариях к ст. 200⁵ УК РФ обычно просто повторяется формулировка закона о том, что субъект пассивного подкупа не является должностным лицом, без анализа его компетенций [1. С. 90–91; 7. С. 162–163; 8. С. 325]. В ряде случаев авторы вынужденно повторяют позицию законодателя, но тут же вступают с нею в противоречие. Например, Р.В. Иванов и В.М. Корякин пишут, что представители заказчика госзакупок (например, работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг и др.) не являются должностными лицами, однако, продолжая характеристику субъектов преступлений, предусмотренных ст. 200⁴ и 200⁵ УК РФ, утверждают, что работники контрактной службы и контрактные управляющие являются должностными лицами [5. С. 25–30].

Некоторые ученые вполне обоснованно предлагают относить к должностным лиц, выполняющих наряду с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными регистрационно-экспертные функции в государственных и муниципальных организациях, «а также лиц, аккредитованных на осуществление отдельных государственных функций» [3. С. 17].

Анализируя психологическую основу коррупционных связей между представителями заказчика государственных закупок и представителями поставщика (подрядчика, исполнителя), А.И. Землин уточняет, что такие связи возникают между «должностными лицами заказчика, с одной стороны, и должностными лицами исполнителя либо иными выгодоприобретателями – с другой» [4. С. 241].

Для правильного применения статьи 200⁵ УК необходимо тщательно проанализировать служебный статус представителей заказчика товаров, работ и услуг для государственных или муниципальных нужд. Ведь в правовой науке является аксиомой, что признание лица должностным определяется не названием должности, а характером выполняемых работником функций [2. С. 196]. Из этого и следует исходить при установлении признаков субъекта пассивного подкупа при заключении контрактов при закупках товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Важны следующие обстоятельства.

Во-первых, закупки товаров, работ и услуг для государственных или муниципальных нужд осуществляются только в рамках государственного или муниципального контракта, т.е. в публичной сфере. Значит, сторону заказчика представляют лица, действующие от имени и в интересах Российской Федерации, ее субъекта или муниципального образования и реализующие полномочия, предоставленные им публичной властью (п. 8 ч. 1 ст. 3 Закона № 44-ФЗ¹).

Во-вторых, анализ компетенции представителей заказчика товаров, работ и услуг свидетельствует о том, что этим представителям заказчик делегирует полномочия, которые по своему содержанию являются именно организационно-распорядительными и (или) административно-хозяйственными.

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Фед. закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624.

Так, контрактная служба (контрактный управляющий), будучи важнейшим органом заказчика (ст. 38 Закона № 44-ФЗ), осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими подразделениями (службами) Заказчика (ст. 1.3 Типового положения (регламента) о контрактной службе) и обладает широкими полномочиями организационно-распорядительного характера на этапах планирования закупок (ст. 3.1 Регламента), при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (ст. 3.2 Регламента), при заключении контрактов (ст. 3.3 Регламента), при исполнении, изменении, расторжении контракта (ст. 3.4 Регламента), а также осуществляет иные полномочия организационно-распорядительного характера, указанные в ст. 3.5 Регламента.

Такой же вывод следует из анализа полномочий комиссии по осуществлению закупок (ст. 39 Закона № 44-ФЗ) и приемочной комиссии (ч. 6 и ч. 7 ст. 94 Закона № 44-ФЗ).

В-третьих, упомянутые выше представители заказчика именуется должностными лицами в нормативных правовых актах.

Так, в ч. 2 ст. 38 Закона № 44-ФЗ контрактный управляющий назван должностным лицом, а значит, таковыми являются и работники контрактной службы (ч. 1 ст. 38), полномочия которых совпадают с полномочиями контрактного управляющего. Должностными лицами именуется работники контрактной службы и в ст. 18 Типового положения (регламента) о контрактной службе, утвержденном приказом Минэкономразвития России от 29 октября 2013 г. № 631, а также в действующем Типовом положении (регламенте) о контрактной службе, утвержденном Приказом Министерства финансов РФ от 31 июля 2020 г. № 158н.

В оценке статуса представителей заказчика товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд еще более определенную позицию занимает сам законодатель в смежной с уголовным отрасли права – в административном праве. В ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) (Административная ответственность должностных лиц) к числу должностных однозначно отнесены лица, осуществляющие функции члена комиссии по осуществлению закупок, контрактные управляющие, работники контрактной службы, члены конкурсной комиссии, аукционной комиссии, а также лица, осуществляющие деятельность в области проведения экспертизы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд¹. Примечание к ст. 2.4. КоАП РФ определяет должностное лицо практически так же, как оно определено в Примечании 1 к ст. 285 УК РФ. Поэтому волю законодателя в определении статуса представителей заказчика товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд необходимо воспринимать в полном соответствии со ст. 2.4 КоАП РФ, где, в отличие от УК РФ и намного раньше, на этот счет сформулированы прямые и недвусмысленные указания. Видимо, при создании новой уголовно-правовой нормы законодатель не вполне учел ее бланкетный

¹ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Фед. закон от 30.12.2001 г. № 196-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 286-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I), 7 янв. Ст. 1.

статус [9. С. 454], поэтому характеристика субъектов пассивного подкупа не соответствует действующему законодательству.

Приведенные соображения вынуждают согласиться с мнением об ошибочном помещении нормы о подкупе представителей заказчика товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в гл. 22 УК РФ [1. С. 90–91]. Но уточнение признаков субъекта пассивного подкупа в сфере госзакупок позволяет сделать вывод, что в ст. 2005 УК РФ устанавливается ответственность не за новый вид подкупа, а за специальный вид взяточничества, введение которого не имеет ни социальных, ни правовых оснований. Из этого следует, что оцениваемая норма не может находиться в гл. 22 УК РФ, но и в гл. 30 УК РФ она тоже не нужна.

Литература

1. Бавсун М.В., Борков В.Н. Новые уголовно-правовые меры охраны отношений в сфере закупок для государственных нужд // Современное право. 2018. № 9. С. 90–94.
2. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2005. 403 с.
3. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2015. 405 с.
4. Землин А.И. Актуальные правовые аспекты противодействия коррупции при осуществлении закупок для государственных нужд // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1(33). С. 138–244.
5. Иванов Р.В., Корякин В.М. Коррупция в сфере государственных закупок для нужд обороны страны: ответственность ужесточается // Право в Вооруженных Силах – военно-правовое обозрение. 2018. № 6. С. 25–30.
6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> (дата обращения: 22.10.2021).
7. Семькина О.И. Криминализация финансово-хозяйственных отношений в сфере государственных закупок (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 161–170.
8. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск: ИД Томского гос. ун-та, 2019. 384 с.
9. Чекмезова Е.И. Некоторые вопросы применения норм об уголовной ответственности за подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4. С. 453–455.

РАРОГ АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ – доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, Москва (alek.rarog@yandex.ru).

Aleksey I. RAROG

A NEW TYPE OF BRIBERY

Key words: *criminal law, crime, corruption, corruptive payment, bribery, state and municipal needs, public procurement.*

The problem of a passive bribery subject in the field of public procurement is actualized. The article substantiates the relevance of issues related to the establishment of criminal

liability in article 200⁵ of the Criminal Code of the Russian Federation not for a new type of bribery, but for a special type of bribery, the introduction of which has neither social nor legal grounds. When creating a new criminal law standard, the domestic legislator did not fully take into account its blank status, therefore, the characteristics of passive bribery subjects do not conform to the current legislation. Thus, the assessed criminal law standard cannot be found in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, but it is also not needed in chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Bavsun M.V., Borkov V.N. *Novye ugovolno-pravovye mery okhrany otnoshenii v sfere zakupok dlya gosudarstvennykh nuzhd* [New criminal law measures to protect relations in the field of procurement for state needs]. *Sovremennoe pravo*, 2018, no. 9, pp. 90–94.
2. Basova T.B. *Ugolovnaya otvetstvennost' za dolzhnostnye prestupleniya: problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya v usloviyakh administrativnoi reformy Rossiiskoi Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Criminal Liability for Official Crimes: Problems of Law-Making and Law Enforcement in the Context of Administrative Reform of the Russian Federation: Doct. Diss.]. Vladivostok, 2005, 403 p.
3. Borkov V.N. *Prestupleniya protiv osushchestvleniya gosudarstvennykh funktsii, sovershaemye dolzhnostnymi litsami: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Crimes against the exercise of public functions committed by officials: Doct. Diss.]. Omsk, 2015, 405 p.
4. Zemlin A.I. *Aktual'nye pravovye aspekty protivodeistviya korruptsii pri osushchestvlenii zakupok dlya gosudarstvennykh nuzhd* [Actual legal aspects of combating corruption in the implementation of procurement for state needs]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 1(33), pp. 138–244.
5. Ivanov R.V., Koryakin V.M. *Korruptsiya v sfere gosudarstvennykh zakupok dlya nuzhd oborony strany: otvetstvennost' uzhestochaetsya* [Corruption in public procurement for the country's defense needs: responsibility is becoming tougher]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – voenno-pravovoe obozrenie*, 2018, no. 6, pp. 25–30.
6. *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i stat'yu 151 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Explanatory Note to the Draft Federal Law "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/931211-7> (Access Date 2021, Oct. 22).
7. Semykina O.I. *Kriminalizatsiya finansovo-khozyaistvennykh otnoshenii v sfere gosudarstvennykh zakupok (komparativistskii analiz)* [Criminalization of financial and economic relations in the field of public procurement (comparative analysis)]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravo-vedeniya*, 2018, no. 3, pp. 161–170.
8. Prozumentov L.M., ed. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik dlya vuzov* [Criminal law. Special part: Textbook for Universities]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2019, 384 p.
9. Chekmezova E.I. *Nekotorye voprosy primeneniya norm ob ugovolnoi otvetstvennosti za podkup rabotnika kontraktnoi sluzhby, kontraktnogo upravlyayushchego, chlena komissii po osushchestvleniyu zakupok* [Some issues of application of the rules on criminal liability for bribery of a contract service employee, a contract manager, a member of the procurement commission]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii*, 2018, no. 4, pp. 453–455.

ALEKSEY I. RAROG – Doctor of Law Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Department of Criminal Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (MGUA), Russia, Moscow (alek.rarog@yandex.ru).

Формат цитирования: *Рарог А.И.* Новый вид подкупа [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2021. – № 4. – С. 77–81. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2021/4/10>. DOI: 10.47026/2499-9636-2021-4-77-81.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.Л. ГУРДЖИЯН

АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ДОЛЖНИКА-ГРАЖДАНИНА
ПРИ ВВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА:
ТЕХНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ 1

Т.Г. ЖАМКОВА, Е.В. БАБЕШКОВА

ВЛИЯНИЕ КАДРОВОГО ПРОЦЕССА «НАЕМ ПЕРСОНАЛА»
НА ОРГАНИЗАЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ 9

Т.И. ЛАДЫКОВА, И.П. ДАНИЛОВ

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИНДИКАТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛОКА
ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА 16

Ю.Н. ТУЗКОВА, О.И. АРЛАНОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА РАСХОДОВ
НА ПРОИЗВОДСТВО ПРОДУКЦИИ 28

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. АЛЕКСАНДРОВА

КАТЕГОРИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА»
И НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕЕ ПРАВОВОМУ СОДЕРЖАНИЮ 36

Д.В. ЗМИЕВСКИЙ

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ В СИСТЕМЕ
ПОЛНОМОЧИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 46

О.А. ИВАНОВА

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
РАБОТНИКОВ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ 53

Е.В. КУНЦ

ОБЩИЕ НАЧАЛА И ПРИНЦИПЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНЫХ
НАКАЗАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМ 64

Т.Г. ПОНЯТОВСКАЯ

КТО ИСПОЛНЯЕТ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ? 71

А.И. РАРОГ

НОВЫЙ ВИД ПОДКУПА 77